

МЕНДАКС:

Там, где кончается зов

Олиель Вейл

Олиель Вейл

Мендакс: Там, где кончается зов

«Автор»

2026

Вейл О.

Мендакс: Там, где кончается зов / О. Вейл — «Автор», 2026

Остров Мендакс — место, которого нет на картах. Он дышит иначе, чем время, и каждое утро меняет свой облик. Его обитатели — ментирозо — просыпаются с новыми лицами, не помня себя прежними. Говорят, тот, кто ступает на его берег, либо сходит с ума, либо не возвращается вовсе. Но Ориан Винтерс ищет не только остров. Он ищет женщину, которая снится ему каждую ночь. Её голос всегда один, но лицо меняется каждый раз. Она зовёт его, и он не может не идти. Ведомый книгой «Исчезающие лица», он отправляется в опасное плавание через моря, которых избегают даже пираты. Он теряет корабль, товарищей и собственную уверенность, но продолжает идти вперёд. Потому что знает: где-то там, за туманом, ждёт она. И только там он сможет найти ответы на вопросы, которые боялся задать себе всю жизнь.

© Вейл О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Белое пятно	8
КЕЙЛ	8
Глава 2. Неразгаданная загадка	16
КЕЙЛ	16
Глава 3. Гром среди ясного неба	22
КЕЙЛ	22
Глава 4. Долгожданный зов.	30
ОРИАН	30
Глава 5. Встреча в главном зале	35
ОРИАН	35
Глава 6. Отправляемся в путь	40
ОРИАН	40
Глава 7. Томящаяся на берегу	43
НЕИЗВЕСТНАЯ	43
Глава 8. Счет лиц	46
ОРИАН	46
Глава 9. Мертвое море	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олиель Вейл

Мендакс: Там, где кончается зов

Пролог

За бескрайними просторами солёных вод, там, где карты обрываются белым пятном, а компас теряет стрелку, вращаясь в безумном танце, лежит остров, не отмеченный ни на одной навигационной скрижали. Далеко-далеко, за грядями штормов, что громоздятся до самых небес, и туманов, что стерегут границы известного мира, словно живые, голодные стражи, покоится эта земля. О ней слагают лишь шёпотом — и то в самые тёмные ночи, когда даже луна прячется за облаками, боясь потревожить покой этого места.

Мореплаватели, достаточно безрассудные, чтобы приблизиться к тем водам, рассказывают странные вещи. Они говорят, что за несколько миль до острова вода перестаёт быть водой. Она становится чем-то иным — тягучей, как время, и текучей, как сон. В ней отражаются не лица, а то, что скрыто за лицами: страхи, надежды, обрывки воспоминаний, которые человек пытался похоронить на дне своей души. Некоторые клянутся, что видели в тех водах собственных умерших матерей, которые манили их в глубину, обещая покой. Другие — что слышали голоса ещё нерождённых детей. Третьи — что вода пела им песни на языке, которого они не знали, но который понимали сердцем.

На том острове обитают создания, которых смертный глаз никогда не видывал. У них свой язык — певучий и текучий, как морская зыбь, но полный шипящих и гортанных звуков, что заставляют слух дрожать от первобытного ужаса. Этот язык не похож ни на один из известных на материке. Лингвисты, которые пытались его расшифровать по обрывкам записей, сошли с ума, утверждая, что слова имеют не значение, а вкус, не смысл, а цвет, и что каждое произнесённое предложение меняет реальность вокруг говорящего. Говорят, что тот, кто выучит язык Ментирозо до конца, перестанет быть человеком — он станет частью острова, его голосом, его памятью.

У них своя культура, сотканная из обрядов и молчаний, где каждый жест имеет сакральный, часто зловещий смысл. Они не здороваются рукопожатием — это считается вторжением в чужую суть. Вместо этого они касаются кончиками пальцев собственного виска, как бы открывая себя для собеседника, но лишь на мгновение. Они не празднуют дни рождения — они празднуют дни, когда впервые увидели своё отражение в водах океана. Снов и поняли, что это отражение — не ложь. Они не хоронят мёртвых — они отпускают их в туман, и туман забирает их, растворяет, переплавляет в новые лица для тех, кто ещё жив. Ибо у них нет смерти в том смысле, в каком понимают её люди. Есть только переход. Только смена облика. Только вечное становление.

Свои ценности — непонятные чужакам. Они не ценят золото, ибо золото для них — это просто застывший свет заката, который можно найти на любом берегу. Они не ценят власть, ибо власть для них — это иллюзия, созданная теми, кто боится потерять лицо. Они ценят память. Они ценят лица, которые носили до того, как стали теми, кто они есть сейчас. Каждый Ментирозо носит в себе сотни, тысячи лиц — лица своих предков, лица тех, кого они любили, лица тех, кого они потеряли, и даже лица тех, кого они убили. Всё это хранится в их изменчивых сердцах, как в библиотеке, где каждая книга — это чья-то жизнь.

И свои заботы, о которых они не говорят вслух, предпочитая хранить тайны в глубине своих изменчивых сердец. Одна из таких забот — остров сам. Он умирает. Медленно, но верно. Каждое утро его берега становятся чуть меньше, туман съедает скалы, и те, кто живёт на нём, чувствуют, как их собственные лица становятся более прозрачными, более зыбкими. Они не

знают, почему это происходит. Они знают только, что их время истекает. И единственная надежда – ритуал слияния, который может провести только тот, кто связан кровью с двумя древними родами. Но кровь тех родов давно смешалась, и теперь только одна девушка носит в себе ту самую силу, которая может спасти остров. Или погубить его навсегда.

В древних фолиантах, что хранятся под замком в библиотеках забытых городов, где пыль веками оседает на страницах, как пепел, пишут, что эти существа не имеют определённого облика. Ибо каждое утро они пробуждаются иными, чем накануне: переливаются всеми оттенками света, принимают черты ветра или камня, подражают формам снов и страхов. Один из таких фолиантов, написанный неизвестным монахом, утверждает, что Ментирозо – это не раса и не народ, а состояние. Состояние души, достигшей такого уровня отчаяния или просветления, что она больше не может удерживать одну форму. Она становится текучей. Она становится всем и ничем одновременно.

И только им самим ведомо, что таится под этой вечной маской, какова их подлинная суть, – но ни единая душа, ни единый манускрипт не хранит этого знания. Истинный облик Ментирозо остаётся тайной за семью печатями, и пытаться разгадать его – всё равно что ловить отражение луны в пригоршне воды: тщетно и бессмысленно. Но некоторые утверждают, что те, кто слишком долго жил среди них, начинали видеть их настоящие лица во сне. И эти лица были пусты. Не злы, не добры, не красивы и не уродливы – просто пусты. Как будто под каждой маской не было ничего, кроме бесконечной, зияющей пустоты, в которой тонули все попытки человеческого разума найти смысл.

Остров этот зовут Мендакс – имя, которое звучит одинаково и как вопрос, и как ответ, заключая в себе парадокс бытия. На древнем языке, который не используется уже тысячи лет, «Мендакс» означало «край, где начинается истина». Но на языке современных мореплавателей оно звучало как «Ложь, ставшая явью». Ибо этот остров – воплощённое противоречие. Он есть, и его нет. Он реален, и он – иллюзия. Он ждёт тебя, и он избегает тебя. Ты можешь плыть к нему годами, и он будет отступать, как горизонт. Или ты можешь шагнуть в туман и оказаться на его берегу, даже не заметив, как это случилось.

Однако никто на свете не знает, насколько он далёк: одни говорят – три дня пути, другие – три жизни, третьи – что он вообще лежит вне времени, в той точке, где мир смыкается с вечностью. Старые карты, которые можно найти в пиратских портах за большие деньги, иногда показывают его, но всегда в разных местах. Иногда его рисуют к северу от океана Снов, иногда – к югу, иногда – прямо в центре. Каждый капитан, который видел его своими глазами, описывает его по-своему. Один говорил, что он покрыт ледяными горами, которые отражают свет так, что глаза слепнут. Другой – что он весь в джунглях, где листья поют, а деревья двигаются, когда на них не смотрят. Третий – что это просто голая скала, на которой ничего нет, кроме тумана и ветра.

И как он выглядит – тоже загадка, ибо Мендакс, словно верный своему народу, тоже каждое мгновение преобразается: то он горит изумрудными скалами, пронизанными жилами чистого золота, то тонет в молочных испарениях, становясь призрачным и невесомым, то вырастает до небес, касаясь облаков своими пиками, то сжимается до крошечного атолла, где едва помещается одинокий, забытый храм. Говорят, что тот, кто однажды увидел Мендакс, никогда не сможет забыть его. Он будет сниться ему каждую ночь, звать его, манить, и этот зов будет сильнее любых уз, любых обязательств, любой любви. Тот, кто видел Мендакс, уже не принадлежит себе. Он принадлежит острову, который ждёт его возвращения.

Он дышит, он изменчив, он неуловим – и потому никто не может похвастаться, что ступал на его берег дважды в одном и том же обличье. Те, кто пытался вернуться, говорили, что остров встречал их иначе. В первый раз он был дружелюбным – тихие волны, мягкий песок, тёплый ветер. Во второй – он был враждебным: скалы, острые как зубы, вода, которая обжигала холодом, ветер, который сбивал с ног. В третий – он просто не появлялся. Как будто он

выбирал, кому открываться, а кому нет. Как будто он был живым существом, которое уставало от гостей, от их любопытства, от их жадности.

Так и блуждает молва о нём по морям, обрастая легендами, но правда остаётся там, где её никто не ищет, – в сердце самого Мендакса, которое бьётся в ритме приливов и никогда не повторяется. Легенды, однако, имеют обыкновение менять тех, кто их слушает. Многие капитаны, наслушавшись историй о Мендаксе, начинали видеть его даже там, где его не было. Они сходили с ума от миража, бросали свои корабли в открытом море, пытаясь доплыть до него вплавь. Их находили мёртвыми на обломках, с широко открытыми глазами и улыбками на лицах. Они умирали счастливыми. Они умирали, веря, что нашли его.

Но те, кто действительно находил Мендакса, никогда не возвращались, чтобы рассказать об этом. Они оставались там, становясь частью острова, его тумана, его песка, его вечного молчания. Или они становились Ментирозо – теряли свои лица, свою память, свою человечность и начинали новую жизнь, в которой каждое утро было началом и концом одновременно. Никто не знает, каково это – жить без лица. Никто не знает, каково это – просыпаться каждый день с чужими чертами, с чужими воспоминаниями, с чужими снами. Никто не знает, каково это – быть частью острова, который сам себя не помнит.

И только одна девушка знает правду. Та, которую привезли на этот остров три года назад, которую заперли в замке из мрамора и золота, которая молчит, потому что её голос – единственное оружие, которое у неё осталось. Она знает, что Мендакс умирает. Она знает, что ритуал слияния – не спасение, а проклятие. Она знает, что её капитан плывёт к ней, и она знает, что он должен успеть. И она знает, что даже если он успеет – это будет только началом конца. Но она всё равно ждёт. Потому что надежда – это единственное лицо, которое нельзя потерять, даже если ты Ментирозо.

Ветер над океаном Снов дул с востока, и на горизонте, там, где туман встречался с водой, мерцал слабый серебряный свет. Кто-то плыл туда. Кто-то шёл по следу, оставленному книгой, снами и обещаниями. Он ещё не знал, что ждёт его впереди. Он ещё не знал, что его ждёт она. Но он чувствовал это – как чувствуют приближение бури, как чувствуют смену ветра, как чувствуют, что кто-то в эту самую минуту смотрит в ту же сторону и ждёт.

И в этом ожидании было больше смысла, чем во всех картах, чем во всех легендах, чем во всех словах, которые когда-либо были сказаны о Мендаксе. Потому что ожидание – это тоже путь. И этот путь был длиннее, чем все моря, вместе взятые.

Глава 1. Белое пятно

КЕЙЛ

13 лет назад (Кейлу 11 лет)

Сидя за столом в папиной комнате, я очень любил рассматривать карту, лежащую на нём. Это был не просто лист пергамента – это было окно в бесконечный мир, полный чудес и опасностей. Рядом с нашим королевством Туррос, раскинувшимся на зелёных холмах, омываемых тёплыми водами, располагалось ещё множество земель, а также морей, океанов и много чего ещё. Каждая линия на карте была чьим-то рассказом, каждая точка – чьей-то судьбой. Я мог часами водить пальцем по извилистым берегам, читать названия городов, которые никогда не видел, и представлять, как выглядят их улицы, их люди, их небо. Моё сердце трепетало от восторга и любопытства.

В те дни я часто убежал в кабинет отца. Это было моим тайным убежищем, местом, где я мог быть самым собой – не принцем, не наследником, не братом, а просто Кейлом, мальчиком, который хотел увидеть мир. Кабинет отца был большой комнатой с высокими потолками, по которым тянулись тёмные деревянные балки. Стены были увешаны картами – не только морскими, но и звёздными, и даже картами подземных течений, которые никто, кроме самых опытных мореплавателей, не мог прочесть. Вдоль стен стояли книжные шкафы, забитые фолиантами на разных языках – некоторые из них были настолько старыми, что их страницы рассыпались при малейшем прикосновении. Я знал, что не имею права трогать их, но я не мог удержаться. Иногда я брал одну из них, открывал наугад и читал строки на языках, которых не понимал, но которые звучали во мне как музыка.

Я чувствовал себя исследователем, первооткрывателем, стоящим на пороге великих тайн. В моих мечтах я видел себя капитаном корабля, который плывёт к неизведанным землям, открывает новые острова, встречает новые народы. Я представлял, как стою на носу корабля, ветер развеивает мои волосы, а впереди – бесконечный горизонт, полный обещаний. Я не хотел быть королём. Я не хотел сидеть на троне и подписывать указы. Я хотел быть свободным. Я хотел быть там, где карты заканчиваются и начинается неизвестность.

Самое близкое королевство, Аэрония, сравнительно мало по сравнению с нашим, но, насколько мне известно по рассказам матушки, не менее развитое. Его белокаменные города, парящие в небесах на дирижаблях, и хрустальные дворцы снились мне по ночам. Я представлял, как иду по улицам, вымощенным серебряными плитами, как смотрю вниз с высоты и вижу облака под ногами. Матушка рассказывала, что в Аэронии живут мастера, которые умеют делать часы, показывающие не только время, но и настроение владельца. Она говорила, что там есть библиотеки, где книги сами читают себя вслух, и сады, где растения поют по ночам. Эти рассказы казались мне волшебством, и я хотел увидеть всё это своими глазами.

Вообще все соседние земли не чета Турросу, ведь именно с него началась история зарождения жизни на этом материке, согласно древним хроникам, что пылились в библиотеке, и эта мысль наполняла меня гордостью. Я часто представлял, как первые люди высадились на наши берега, как они строили первые дома, как они давали названия рекам и горам. Я чувствовал себя частью этой великой истории, частью чего-то большего, чем я сам. Но в то же время я хотел выйти за её пределы. Я хотел увидеть земли, которые не были открыты, моря, которые не были пересечены, народы, которые не были встречены.

И тут, когда луч света из высокого стрельчатого окна упал на пергамент, я заметил нечто удивительное, чего просто не могло быть. Я водил пальцем по карте, повторяя знакомые маршруты, и вдруг – я замер. Прямо посреди океана Снов, там, где по всем правилам должна была

быть вода, красовалось белое пятно. Не просто пустота, не просто незаполненное место. Это было белое пятно, очерченное тонкой линией, как будто кто-то специально оставил его для того, чтобы кто-то другой заполнил его когда-нибудь позже.

Я наклонился ближе, щуря глаза. Пятно было не совсем круглым – оно имело форму, напоминающую полумесяц, только более вытянутую и изогнутую. Вокруг него были нанесены странные пометки – не буквы, не цифры, а какие-то символы, которых я никогда не видел. Они были похожи на волны, но не обычные, а сломанные, как будто кто-то рисовал их дрожащей рукой. Я провёл пальцем по одному из них, и он показался мне тёплым — хотя это было невозможно, ведь пергамент был холодным.

Я нахмурился. Я знал эту карту почти наизусть. Я перерисовывал её много раз в своих тетрадах, отмечая все важные места, которые хотел посетить. Но этого пятна раньше не было. Я был уверен. Я помнил каждую линию, каждую точку. Где же оно взялось? Может быть, его кто-то нанёс позже? Но кто и зачем? Отец не стал бы портить карту, матушка тоже – она была слишком аккуратна в таких вещах. А слуги не имели права прикасаться к кабинету.

– Ты снова забрался в покои отца? – вдруг послышался голос, отвлекший меня от находки. Я вздрогнул и поднял голову.

В дверях стоял брат Леон. Он был высок для своих шестнадцати лет, плечист, с волевым подбородком и пронзительными голубыми глазами, которые сейчас смотрели на меня с привычной строгостью, за которой, однако, я всегда чувствовал любовь. Его белокурые волосы были аккуратно зачёсаны, а одежда – тёмно-синий камзол с золотым шитьём – сидела на нём безупречно, как и подобает наследнику престола. Он выглядел величественно, почти грозно, но в глубине его глаз я видел искорку веселья.

– Брат Леон, а ты здесь зачем? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно, хотя внутри уже закипало предчувствие неприятностей. Я быстро провёл рукой по карте, пытаюсь скрыть то место, которое меня так заинтересовало. Не потому, что я хотел что-то утаить от него – просто я не был готов делиться этим открытием. Оно казалось мне слишком личным, слишком тайным.

Вообще я догадывался, что снова поставил весь дворец на уши своей пропажей, но я предпочту сделать вид, что ничего не знаю, так мой любящий старший братец не будет ругать меня за мою проказу. Солнечный свет, лившийся из окна, играл в его светлых волосах, но это не смягчало выражения его лица, хотя я и знал, что он не способен на настоящую жестокость. Леон был тем, кто всегда защищал меня, даже когда я этого не заслуживал. И я знал, что, несмотря на его строгий тон, он никогда не причинит мне вреда.

– Скажи-ка мне, Кейл, о чём тебя просили отец с матушкой перед своим отъездом? – спросил он, делая шаг в комнату. Его сапоги гулко стучали по мраморному полу. – Разве они не говорили тебе не проказничать и не заходить в их покои, пока их нет?

Он остановился напротив меня, скрестив руки на груди. В этом жесте была такая уверенность, такая сила, что я на мгновение почувствовал себя маленьким и ничтожным. Но я знал, что он просто играет роль. Он всегда играл роль – наследника, будущего короля, защитника. Но я видел его другим. Я видел, как он смеялся с сёстрами, когда думал, что никто не смотрит. Я видел, как он гладил пса, который прибил к нам после шторма. Я видел его настоящего – и этот человек был не страшен.

– Ну, братеееец! – протянул я, отодвигая стул и вставая. Я подошёл к нему, пытаюсь выглядеть невинно. – Ты ведь знаешь, как я люблю разглядывать карты нашего мира. Это же так удивительно! Знаешь, сколько всего интересного можно узнать из рассказов матушки, указывая пальцем на любую точку карты? Вот здесь, например, Гремящие скалы, где вода кипит, как в котле, а здесь – Забытый пролив, где, говорят, живут сирены.

Я говорил быстро, захлёбываясь словами, пытаюсь увлечь его в свой мир. Я знал, что он тоже любит истории, хотя и редко показывает это. Он слушал меня с непроницаемым лицом, но я заметил, как на мгновение его взгляд смягчился. Я продолжал:

– А вот здесь, – я указал на точку на карте, – матушка говорила, что есть остров, где ночью цветы светятся, как звёзды. И там можно найти ракушки, которые поют, если поднести их к уху. Я хочу когда-нибудь увидеть всё это. Я хочу проплыть по всем этим морям, увидеть все эти земли. Я хочу быть как матушка.

Мои глаза горели, я был переполнен желанием поделиться этими знаниями, показать, что я не просто шалун, а будущий великий путешественник. В тот момент я забыл о белом пятне. Я забыл о странных символах. Я был просто мальчиком, который мечтал.

– Да-да, – он устало вздохнул и провёл рукой по лицу, на мгновение открывая усталость, которая скрывалась за маской королевской выдержки. – Но сейчас её здесь нет, а, следовательно, сказки рассказывать некому...

Брат не сумел договорить, так как я перебил его:

– Это не сказки! Мама сама всё видела, она ведь была мореплавателем! – Голос мой стал звонче, и я почувствовал, как кровь приливает к щекам. Меня захлестнула обида и гнев. Я не люблю, когда об удивительных историях о её путешествиях по миру отзываются как о том, что другие выдумывают. Это было частью меня, частью моей семьи, и я не мог позволить никому, даже Леону, принижать это.

Я помнил, как матушка сидела у камина в долгие зимние вечера, и я забирался к ней на колени, слушая её рассказы. Она говорила о штормах, которые поднимали волны выше самых высоких башен, о китах, которые пели так громко, что их голоса слышали на другом конце океана, о городах, где улицы были вымощены кораллами, а дома – вырезаны из цельных кусков янтаря. Она говорила об этом так, будто сама там была, и я верил каждому её слову.

– Прости, прости, ты только так не кричи, – сказал он, и в его голосе послышалось примирение. Он подошёл ближе, положил тяжёлую ладонь мне на плечо, и я почувствовал его тепло. – Думаю, на сегодня ты закончил с картой. Пора бы уже успокоить дворец, который ты поставил на уши. В следующий раз ты зайдёшь сюда либо с матушкой, либо с отцом. Слуги!

Его голос стал жёстче, когда он обратился к прислуге. Я знал, что он не шутит. Леон был человеком слова, и если он что-то обещал, он делал это. Он был наследником престола, и он знал цену дисциплине.

– Да, ваше высочество?! – В проёме возник дворецкий, пожилой мужчина в ливрее с гербом Турросы, с лицом, выражавшим привычную озабоченность.

Его звали Олвард, и он служил нашей семье больше тридцати лет. Я помнил его с самого детства – он всегда появлялся в самый неподходящий момент, чтобы прервать мои приключения.

– Заприте покои и до возвращения короля и королевы их не открывать! – приказал Леон, и в голосе его вновь зазвенел металл. Он был непреклонен, и я знал, что спорить бесполезно.

– Ну, брааааат! – с огорчением прокричал я, но брат был непреклонен.

Его лицо оставалось каменным, хотя я заметил, как едва заметно дернулся уголок его губ – он едва сдерживал улыбку, видя моё отчаяние. Я попытался применить свою любимую тактику – сделать жалостливые глаза, надуть губы, скрестить руки на груди. Обычно это работало с матушкой, но Леон был не матушкой. Он был старшим братом, и он знал все мои уловки.

– Кейл, – сказал он, и его голос стал мягче, почти как у отца. – Я понимаю, что тебе скучно. Я понимаю, что ты хочешь приключений. Но ты должен понять, что есть правила. И они существуют не для того, чтобы тебя наказывать. Они существуют, чтобы защитить тебя. Если ты будешь их нарушать, ты можешь попасть в беду. И тогда я не смогу тебя защитить.

Я хотел возразить, что я не нуждаюсь в защите, что я уже достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться. Но я промолчал. Потому что знал — он говорит это не для того, чтобы унижить меня, а потому что он любит меня. И эта любовь была сильнее моей гордости.

— Ладно, — сказал я, опуская плечи. — Я больше не буду.

— Обещаешь?

— Обещаю, — сказал я, и в этот момент я действительно хотел сдержать слово.

Леон улыбнулся — искренне, тепло, той улыбкой, которую он редко кому показывал.

— Тогда идём. Я прикажу повару приготовить твоё любимое печенье. И ты расскажешь мне, что нашёл на карте.

— Правда? — мои глаза загорелись.

— Правда, — сказал он, и я знал, что он не шутит. — Но после того, как мы поедим, ты вернёшься в свою комнату и займёшься уроками. Договорились?

— Договорились! — крикнул я и побежал к двери, но на пороге остановился и обернулся. Из-за разговора с ним я даже позабыл, что на карте увидел одну особенность, которую раньше почему-то не замечал... Белое пятно, красовавшееся прямо посреди океана Снов. И после сегодняшнего дня я ещё не скоро вспомню о нём.

Но оно уже поселилось в моей голове, как семя, которое рано или поздно прорастёт. Я не знал тогда, что это пятно станет началом всего. Что оно изменит мою жизнь, мою семью, мою судьбу. Что оно приведёт меня к человеку, которого я никогда не видел, но который станет моим лучшим другом. Что оно откроет путь к острову, которого нет на картах. Но это будет позже. А пока я просто шёл за братом, чувствуя себя ребёнком, у которого есть всё, что нужно.

8 лет назад (Кейлу 16 лет)

Прошло пять лет с того дня, как я впервые увидел белое пятно на карте отца. Пять лет, в течение которых я успел вырасти, измениться, узнать много нового. Мне уже было шестнадцать, и я уже не был тем наивным мальчишкой, который мечтал о приключениях. Я стал более сдержанным, более серьёзным. Но огонь, который горел во мне в детстве, не погас. Он просто стал глубже, тише.

Я много читал. Я изучал книги по навигации, по истории, по географии. Я встречался с капитанами, которые приплывали в наш порт, и задавал им сотни вопросов. Я записывал их ответы в толстую тетрадь, которую хранил под подушкой. Я хотел знать всё о море, о кораблях, о далёких землях. Я хотел быть готовым, когда придёт время.

Матушка заметила мою одержимость. Она видела, как я смотрю на карты, как я читаю старые фолианты, как я спрашиваю о белом пятне, которое так и осталось для меня загадкой. Однажды, когда я сидел в её гостиной, рассматривая ту самую карту, она подошла ко мне и села рядом.

— Ты всё ещё думаешь о нём? — спросила она, и её голос был мягким, как шёпот моря.

— О чём? — спросил я, хотя знал, о чём она говорит.

— О белом пятне. Ты не перестаёшь думать о нём. Я вижу это по твоим глазам.

Я промолчал. Я не хотел признаваться ей в этом. Мне казалось, что она будет смеяться надо мной, считать меня глупым ребёнком. Но она не засмеялась. Она просто взяла мою руку и сжала её.

— Ты очень похож на меня, — сказала она. — Я тоже была такой в твоём возрасте. Я тоже хотела узнать всё, что скрыто за горизонтом. Я тоже искала ответы на вопросы, на которые никто не мог ответить.

— И что ты нашла? — спросил я.

— Я нашла много всего, — сказала она с лёгкой грустью. — Но я не нашла ответы на все вопросы. И это хорошо. Потому что если бы я нашла их все, у меня не было бы цели. Не было бы мечты. Не было бы тебя.

Она улыбнулась, и я почувствовал, как тепло разливается в моей груди. Я любил её. Я любил её больше всего на свете. И я хотел стать таким же, как она – смелым, мудрым, свободным.

– Матушка, а какие удивительные вещи случились с тобой в этом месте? – Мой палец указал на тот самый белый участок.

Мы сидели в её личной гостиной – комнате, заставленной морскими раковинами, книгами и странными приборами. Там были барометры, секстанты, астролябии, и всё это хранило память о её путешествиях. Пятно, что заинтересовало меня тогда, ведь как такое может быть, чтобы прямо посреди океана, в самом центре карты, была пустота. Это казалось мне нелогичным, почти оскорбительным для моего пытливого ума.

Я ждал ответа, который изменит всё. Я ждал, что она скажет мне: «Это там, где я встретила твоего отца». Или: «Это там, где я нашла тайну, которая изменила мою жизнь». Но она сказала другое.

– Сынок, в этом месте я так и не смогла побывать, как и многие, кто плавал до меня, так и многие после. – Матушка отложила вязание и повернулась ко мне.

Её лицо, всё ещё красивое, несмотря на возраст, озарилось мягким, но печальным светом. Она была высокой и стройной женщиной с тёмными, как смоль, волосами, в которых уже пробивалась седина. Но глаза – синие, как море, в которое она так любила смотреть, – всё ещё горели огнём авантюризма.

– Это место очень загадочно, и никто на самом деле не может сказать, есть ли оно на самом деле или это просто сказки.

Я удивлённо посмотрел на матушку. Как? Как такое может быть? Моя матушка? Женщина-мореплаватель, которую знает весь наш материк, и я уверен, что не только он, но и весь свет, говорит такое? Да это же просто невозможно! Чувство недоумения и разочарования захлестнуло меня.

– Ну, в это я не поверю! Матушка, чтобы ты чего-то не смогла достичь, а даже если и нет, разве может быть такое, чтобы место просто пустовало? Тогда там была бы вода, как и обычно, – возразил я с жаром, отказываясь принимать реальность, которая была меньше, чем мои мечты. Я чувствовал, как внутри меня закипает протест. Я не мог принять, что есть что-то, чего не знает моя мать.

– Кейл, – она взяла меня за руку, её пальцы были прохладными. – Я не всемогуща. Есть вещи, которые даже я не в силах посетить, как бы сильно мне этого не хотелось. Но ты прав: если бы там ничего не было, пятна бы не было. Но на самом деле, если бы эту карту составляла я, весь океан стал бы огромным белым пятном.

В её голосе послышалась загадочная нотка, которая заставила моё сердце биться чаще. Она смотрела на меня, и в её глазах я видел что-то, чего раньше не замечал. Это был не просто рассказ о путешествиях. Это было признание. Это был секрет.

– Весь океан – одним белым пятном? Что она имеет в виду? Почему? – спросил я, и голос мой дрожал от волнения. — Матушка, пожалуйста, объясни.

Я хотел задать ей этот вопрос, но, увидев заинтересованность в моих глазах, она быстро своим королевским тоном сказала:

– А об этом мы с твоим отцом расскажем тебе завтра. Посмотри за окно – уже поздно, тебе пора в кровать, иначе завтра опять опоздаешь на занятия по фехтованию!

Я знал этот тон. Это был её «королевский» тон, тот, который она использовала, когда хотела закончить разговор. Но даже послушавшись её, я не был уверен, что смогу заснуть. Уж очень сильно засели её слова в моей голове, и я начал сомневаться, а не заболела ли она? Тревога и любопытство боролись во мне, не давая покоя.

Я вышел из её комнаты, но на пороге остановился и обернулся. Она сидела у окна, глядя на море, и в её позе было что-то, что заставило моё сердце сжаться. Она казалась не просто

уставшей. Она казалась испуганной. И это было странно, потому что моя матушка никогда не боялась. Она была той, кто смеялся в лицо штормам, кто плыл в самые опасные воды, кто не боялась смерти. Но сейчас она боялась.

– Спокойной ночи, матушка, – сказал я.

– Спокойной ночи, мой маленький капитан, – ответила она, и в её голосе было столько любви, что у меня защипало в глазах.

Я пошёл в свою комнату, но не мог уснуть. Я лежал в кровати, глядя в потолок, и думал о белом пятне, о словах матушки, о её испуганном взгляде. И я знал – завтра что-то изменится. Завтра я узнаю правду. И эта правда будет страшнее и прекраснее, чем я могу себе представить.

Глава 2. Неразгаданная загадка

КЕЙЛ

Дворец находился недалеко от моря. Раньше он стоял в центре города, окружённый шумными площадями и торговыми рядами, где крики торговцев смешивались с ржанием лошадей и звоном монет. Однако ради королевы, которая очень сильно любила море, король перенёс его к воде. Это стало одним из свадебных подарков, преподнесённых ей, как мореплательнице, которая без воды как без рук. Перестройка дворца заняла три года – на это ушли целые состояния, но король не жалел денег. Он хотел, чтобы его жена просыпалась с видом на бескрайнюю синеву, чтобы она чувствовала запах соли каждое утро, чтобы её сердце билось в ритме волн.

Новая резиденция стояла на высоком утёсе, и из окон всех покоев открывался вид на бескрайнюю синеву. Волны с рокотом разбивались о скалы внизу, создавая вечный шум, который стал колыбельной для всей королевской семьи. Ветер дул с моря, и его дыхание проникало в каждую комнату, смешиваясь с запахом лаванды и старого дерева. Я любил этот звук – он всегда наполнял меня спокойствием и одновременно зовом к приключениям. Каждое утро я просыпался под этот шум, и каждый вечер он убаюкивал меня. Он был частью меня, как и само море.

Я проснулся от крика чаек. Их пронзительные голоса врывались в открытое окно, смешиваясь с запахом соли и водорослей. Я лежал в постели, глядя в потолок, и чувствовал, как утренний свет касается моего лица. Всю ночь меня мучали странные сны. Я видел девушку. Она стояла на краю утёса, такого же, как тот, на котором стоял наш дворец, но более дикого и каменистого. Волны внизу были тёмными, почти чёрными, они с яростью бились о скалы, вздымая фонтаны белой пены. Она кричала, я не понимал, чего она хотела от меня, ведь она говорила не на нашем языке.

Её голос был хриплым и надрывным, он отражался от скал и возвращался эхом, полным боли и отчаяния. На её глазах виднелись блестящие, словно жемчужины, слёзы. Они падали вниз и, не долетая до воды, превращались в крошечные капли света, растворяясь в воздухе, как утренний туман. Увидев их, я почувствовал такую глубокую грусть и сожаление, что у меня сжалось сердце. Мои ноги уже повели меня к ней, но, так и не достигнув цели, мой сон прервался.

Я сел на кровати, чувствуя, как сердце всё ещё бьётся быстрее обычного. Я провёл рукой по лицу, пытаясь стряхнуть остатки сна. Я никогда прежде не слышал этого языка. А ведь как принц я выучил все доступные языки на нашем материке, чтобы свободно общаться с гостями, посещающими наше королевство. Я знал аэронский, с его певучими гласными, знал грубоватый диалект северных островов, знал даже древний язык жрецов, на котором писались старые хроники. Но этот язык был совсем другим – он не походил ни на один из известных мне. В нём были звуки, которые я не мог воспроизвести, интонации, которые не подчинялись никаким правилам.

Видимо, я слишком много думаю, это же всего лишь сон, а сон – это воображение. Возможно, это просто моя фантазия разыгралась из-за множества вопросов, кружащихся у меня в голове перед тем, как я заснул. Но внутри меня засела тревога. Сны никогда не были для меня просто снами – они всегда что-то значили. Моя матушка часто говорила, что море говорит с нами через сны, что оно выбирает тех, кто способен слышать. И если я слышал этот голос, возможно, он был не случайным.

От дум меня отвлек стук в дверь. Наверно, пришёл слуга разбудить меня. Чувствуя лёгкую досаду от того, что меня оторвали от размышлений, я крикнул:

– Войдите, – сказал я, вставая с кровати и накидывая халат.

Я не обратил внимания, кто зашёл в мои покои. Моё внимание привлекло зрелище за окном. Внизу, в лазурной гавани, стоял на якоре красивый корабль с необычным флагом. Таких я ещё не видел. Он был чёрный, с черепом по центру, а под черепом – две скрещённые кости, но не человеческие, а какие-то длинные и изогнутые, похожие на рыбий скелет. Солнечные лучи отражались от чёрного шёлка флага, делая рисунок зловеще-ярким. Сердце моё забилося быстрее от возбуждения и предвкушения. Это был не торговый корабль, не военный. Это был корабль, который принадлежал тем, кто не подчинялся законам королей.

– Что ты там увидел? – услышал я грубый мужской голос, но такой родной, и обернулся.

Я увидел крупного, статного мужчину в тёмно-бордовом камзоле. Его лицо, обветренное и загорелое, было обрамлено густой каштановой бородой, в которой уже серебрилась седина. А за ним стояла, конечно же, его королева. Это были мои родители – король Генрих и королева Маре.

– Отец! Матушка! – Я кинулся к ним в объятия со счастливой улыбкой, зная, что они обязательно подарят мне своё тепло. Я чувствовал запах отца – смесь кожи, табака и моря, – и запах матери – лаванды и старых книг. В этот момент я чувствовал себя в полной безопасности. – Я не ожидал, что вы придёте ко мне с самого утра!

– Мы пришли из-за вчерашнего, – сказала матушка, и её голос был серьёзным. Она подошла к окну и встала рядом со мной, глядя на корабль. – В твоих глазах я увидела заинтересованность в белом пятне, а ещё своими словами разогрела в них ещё больший огонь. Поэтому я решила больше не мучить тебя и привела к тебе твоего отца с самого утра.

Она говорила спокойно, но я чувствовал в её голосе напряжение. Она боялась того, что я узнаю. Она боялась, что правда будет слишком тяжёлой для меня. Но она знала – я всё равно узнаю её рано или поздно. Лучше сейчас, когда она может быть рядом и поддержать меня.

– Матушка, ты знаешь меня лучше всех! Но сначала я хочу узнать... – Я подбежал к окну и указал на корабль. – Что это за флаг? Какому королевству он принадлежит?

Матушка посмотрела в окно и засмеялась – звонко и мелодично. Я удивился такому её поведению и растерялся. Она никогда раньше себя так не вела, когда я спрашивал её о государственных делах. Наоборот, она становилась более серьёзной, как настоящая королева, которая должна заботиться не только о семье, но и о своём народе. Но сейчас она смеялась, и в её смехе не было насмешки – только радость, будто я сказал что-то очень забавное.

– Маре, ты ввела нашего сына в ступор, — сказал король, и его голос прогремел в тишине. – Смотри, даже рот закрыть не может. – Он подошёл и хлопнул меня по плечу своей огромной ладонью. – Можно сказать, что это короли моря.

– Короли моря? – переспросил я, всё ещё глядя на чёрный флаг. – Разве море кому-то принадлежит? – Никогда не слышал, чтобы у моря были хозяева. Если и есть, то это скорее рыбы и другие его обитатели. Это казалось мне абсурдным и захватывающим одновременно. Я смотрел на корабль, и в моём воображении уже рисовались приключения: бескрайние просторы, свобода, ветер в лицо.

– Их так называют, но на самом деле они таковыми не являются, – пояснила матушка. – Все, кто выходит в море, знают, что никто не разбирается в морях и океанах лучше, чем пираты. Они чаще всего живут, путешествуя по водам, а на сушу выходят только для пополнения запасов. Они не короли в буквальном смысле — у них нет тронов, нет подданных, нет законов, кроме своих собственных. Но они знают море лучше всех, и моряки уважают их за это. Они живут на своих кораблях, как на плавучих домах, и весь мир – их дом.

– Удивительно, – сказал я, чувствуя, как внутри меня загорается новое желание. — Я думал, что лучше всех в этом смыслит матушка, а она говорит о каких-то пиратах, которые являются королями только номинально из-за их знаний. Теперь я тоже захотел быть пиратом,

постоянно жить, путешествуя по просторам, чувствуя, как тебя обдувает лёгкий ветерок. Моё сердце наполнилось мечтой о свободе.

Отец нахмурился, услышав мои слова.

– Кейл, ты не будешь пиратом. Ты – принц Турросы. У тебя есть обязанности. Ты должен унаследовать трон, если что-то случится со мной или Леоном. Ты не можешь просто бросить всё и уплыть в неизвестность.

– Но отец... – начал я, но он поднял руку, останавливая меня.

– Я знаю, что тебе хочется приключений. Я сам был таким в твоём возрасте. Но приключения – это не всегда весело. Это часто опасно, и ты можешь потерять всё, включая себя. Я не хочу, чтобы ты повторил мои ошибки.

Я хотел возразить, но промолчал. Я знал, что он говорит не для того, чтобы лишить меня мечты, а чтобы защитить меня. Но я также знал, что внутри меня живёт огонь, который не погасить никакими словами.

– Думаю, теперь пора перейти к главному, причине, по которой мы здесь собрались, – напомнил нам отец, хмурия брови. – Пора рассказать тебе историю о белом пятне, что ты видел на карте. – Он полез в рукав своего камзола и достал что-то.

Это оказалась книга. Но я прочёл все книги в королевской библиотеке, не может быть, чтобы была книга, которую я не знал. Так зачем же отец её принёс? Но, немного приглядевшись, я увидел, что обложка была не обычной: она не очень сильно, но сверкала, переливаясь перламутром и серебром. Таких книг я ещё не видел.

Обложка была сделана из материала, который напоминал чешую какой-то огромной рыбы, но при этом была мягкой и тёплой на ощупь, как кожа. Она не была просто украшена – она была живой. Когда свет падал на неё, она переливалась всеми цветами радуги, и я видел в её глубине движение – будто внутри книги кто-то плавал. Я протянул руку, чтобы коснуться её, но отец отодвинул книгу.

– Осторожно, – сказал он. – Это не просто книга. Это ключ.

– Ключ? – переспросил я.

– Эта книга, в которой написана легенда об острове, что меняет свой лик и местонахождение раз за разом. Поэтому Маре и сказала, что составляй она карту, всё Море Снов стало бы одним большим белым пятном. За грядями штормов, там, где карты белеют от неизвестности, лежит Мендакс – остров, который дышит иначе, чем время. Его берега переливаются каждое утро, а обитатели – Ментирозы – не помнят собственных лиц, отражая чужие страхи и сны. Говорят, правда о них скрыта под семью масками, и всякая маска — ложь, которая стала правдой настолько давно, что сама в это поверила.

Отец говорил медленно, будто читал древнюю молитву. Его голос был низким и торжественным, и я чувствовал, как каждое слово оседает в моей душе, как семя, которое скоро прорастёт.

– Никто не знает, сколько плыть до Мендакса: три дня, три жизни или ни мгновения, потому что остров приходит только к тем, кто перестал искать. И если вы его увидели – не верьте глазам. Верьте прибою: он помнит всё, но никогда не повторяется.

Он замолчал. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь шумом волн за окном. Я смотрел на книгу, и я чувствовал, как она зовёт меня. Она была тёплой, даже на расстоянии. Она была живой.

– Мы решили оставить тебе эту книгу, чтобы ты сам разобрался в этом, – сказала матушка, передавая мне фолиант. От него пахло морем и древностью. Когда я взял её в руки, я почувствовал, как она пульсирует, как сердце. Она была не просто книгой — она была существом. — Но ты должен помнить: никто не знает, так ли всё на самом деле, как описывают книги. В её голосе я услышал предостережение, но оно лишь подогрело моё любопытство.

– Но ведь эту кто-то написал, значит, он точно должен знать, правда в ней или ложь? – спросил я, чувствуя, как внутри меня закипает нетерпение.

– Это как раз самое интересное, – с хмурым видом ответил мой отец, и на его лице появилась тень тревоги. – Мы не знаем, откуда взялась эта книга. Она появилась будто из воздуха. Однажды утром она лежала на столе в моём кабинете, хотя я точно знаю, что накануне её там не было. Двери были заперты, окна закрыты, стража ничего не видела. Она просто появилась. И никто не знает, кто её написал. Она настолько старая, что её страницы могут рассыпаться при малейшем прикосновении, но чернила на них свежие, как будто их написали вчера.

– Нельзя утверждать, что это не чей-то злой умысел, – добавила матушка. – Мы не знаем, кому можно верить. Мы не знаем, кто хочет, чтобы ты прочитал эту книгу. Мы не знаем, что произойдёт, если ты последуешь её советам.

Я сразу понял, что он не шутит, да и зачем ему это. Но это ещё больше заставило моё сердце трепетать. Загадочная книга, взявшаяся из ниоткуда. Чую, что это принесёт в мою жизнь много интересных приключений. Я смотрел на обложку, и мне казалось, что она улыбается мне. Что она знает что-то, чего не знаю я.

– Я с удовольствием возьму эту книгу и буду искать разгадку этого таинственного острова и Ментирозо, – сказал я, осторожно принимая подарок. – Возможно, я не получил ответы на свои вопросы, что таились в моём сердце, но разве не увлекательней искать разгадку самостоятельно, своими силами?

Взяв в руки книгу, я почувствовал, что это только начало, начало чего-то неизведанного, что зовёт меня к лучшему будущему. Под моими пальцами обложка казалась тёплой и живой, и я поклялся себе, что однажды разгадаю эту тайну. Я не знал, что эта книга изменит мою жизнь, что она приведёт меня к другу, которого я никогда не видел, и к женщине, которая будет ждать меня на краю мира. Я не знал, что эта книга станет моим проклятием и моим спасением. Но в тот момент я чувствовал только радость и предвкушение.

– Спасибо вам, – сказал я, обнимая родителей. – Я обещаю, что буду осторожен. Я обещаю, что не буду делать глупостей. Я просто хочу знать правду. Это всё, что я хочу.

Матушка поцеловала меня в лоб.

– Я знаю, сынок. Я знаю. Просто помни: правда не всегда приносит счастье. Иногда она приносит только боль. И когда ты узнаешь её, ты уже не сможешь забыть. Ты готов к этому?

Я посмотрел на неё, и я чувствовал, что она говорит не просто о книге. Она говорит о чём-то большем. Она говорит о жизни.

– Я готов, – сказал я, и мои слова прозвучали как клятва.

Они ушли. Я остался один с книгой в руках. Я сел на кровать и открыл её на первой странице. Текст был написан на древнем языке, который я не знал, но как только я начал читать, слова сами собой переводились в моей голове. Будто книга говорила со мной напрямую, минуя мой разум. Я читал о Мендаксе, о Ментирозо, о Святой, которая может исцелять, но крадёт лица. Я читал о ритуале слияния, о проклятии, которое висит над островом. Я читал, и я чувствовал, как мир вокруг меня расширяется, как он становится больше, глубже, страшнее.

Я не знал, сколько времени я сидел так, погружённый в чтение. Солнце уже клонилось к закату, когда я закрыл книгу. Я чувствовал себя уставшим, но счастливым. Я знал теперь, что моя жизнь никогда не будет прежней. Я знал, что я должен найти этот остров. Я должен найти Святую. Я должен спасти тех, кто нуждается в спасении. И я знал, что мой путь только начинается.

Глава 3. Гром среди ясного неба

КЕЙЛ

3 года назад (Кейлу 21 год)

Прошло пять лет с того дня, как я получил книгу. Пять лет, в течение которых я изучал её вдоль и поперёк, запоминал каждую страницу, каждую линию, каждый символ. Я выучил древний язык Ментирозо, настолько, что мог читать его без перевода. Я знал все легенды, все тайны, все предупреждения. Но я не знал, как их применить. Я не знал, как найти Мендакс. Книга давала ответы, но не на все вопросы.

Я стал старше – мне уже было двадцать один. Я вырос высоким и стройным, как мой отец, с тёмными волосами и глазами, которые видели больше, чем хотели видеть. Я всё ещё был принцем, всё ещё был наследником, но я также был исследователем в душе. Я проводил часы в библиотеке, изучая старые карты, встречался с капитанами, которые приплывали в наш порт, и задавал им вопросы об океане Снов, о белых пятнах на картах, о странных туманах, которые появлялись ниоткуда. Никто не мог дать мне ответы. Они только пожимали плечами и говорили: «Это легенды, ваше высочество. Легенды не имеют значения».

Но я знал, что они ошибаются. Легенды всегда имеют значение. Они – отражение правды, которую мы не хотим видеть. И я был полон решимости увидеть эту правду, чего бы это ни стоило.

Однако судьба распорядилась иначе.

Над дворцом ярко светило солнце, но внутри царила мрачная атмосфера. Я стоял в коридоре, ведущем к покоям моей младшей сестры, и чувствовал, как холодный пот стекает по моей спине. Королевской семье пришли печальные новости: их младшего члена семьи, принцессу Талию, одолела странная болезнь, она начала постепенно растворяться. По началу это не было так заметно – лишь лёгкая бледность да редкие головокружения. Она иногда жаловалась на слабость, но мы думали, что это просто усталость, что она слишком много занимается, слишком много читает. Но недавно всё усугубилось, и лишь тогда наша семья начала замечать, что с ней что-то не так.

Её кожа становилась почти прозрачной, и сквозь неё проступали тонкие голубые вены. Она стала худеть, даже не переставая есть. Её волосы, раньше густые и блестящие, теперь были тусклыми и ломкими. Она перестала смеяться – раньше её смех звенел по всему дворцу, но теперь я не слышал его уже несколько недель. Она проводила дни в своей комнате, глядя в окно на море, и я видел, как её глаза с каждым днём становятся всё более пустыми.

Ни один лекарь не мог сказать, что же с ней случилось. Они впервые видели такое, и это только пугало. Откуда мог взяться такой недуг, который не известен никому, даже зарубежным врачам? Лучшие лекари из Аэронии и даже из далёких земель за морем были приглашены, но они только разводили руками. Они говорили о проклятии, о странной магии, о том, что это не поддаётся их науке. Они предлагали сомнительные средства, но ничего не помогало. Чувство беспомощности и страха, как ледяная рука, сжимало моё сердце.

Доктор Олдрич стоял у окна, спиной к остальным. Это был высокий, сухопарый старик с длинными седыми волосами, собранными в хвост, и острыми, как бритва, скулами. Его руки были скрещены за спиной, и он смотрел на море так, будто искал в нём ответы, которых не было на суше. Он был главным лекарем королевства, и я знал, что он не тот человек, который сдаётся легко. Он видел множество болезней, лечил раны, которые считались смертельными, и всегда находил способ помочь. Но сейчас он был в растерянности.

– Я должен сказать вам правду, – наконец произнёс он, не поворачиваясь. – Я не знаю, сколько ещё она сможет держаться.

Матушка, королева Изабель, вздрогнула, но промолчала. Она стояла у изголовья Талии, держа её за руку. Её лицо было неподвижным, но пальцы слегка дрожали. Она была одета в строгое тёмное платье, и в её глазах застыла такая глубокая печаль, что её не могли скрыть ни королевская выдержка, ни гордая осанка. Я видел, как она борется с собой, чтобы не разрыдаться, и это зрелище разрывало мне душу.

– Что значит «не знаете»? – спросил я, стоя в тени, прислонившись к косяку. Голос мой был ровным, без эмоций. Я злился на доктора за его беспомощность, на судьбу за жестокость, на себя за то, что ничего не могу сделать. Я сжимал кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони.

Олдрич повернулся. Его лицо было бледным, уставшим. Он выглядел так, будто сам постарел на десять лет за последние недели. Под глазами залегли тёмные круги, и его обычно твёрдая рука слегка подрагивала. Он был честен, но его честность была подобна удару ножом.

– Я понимаю, что это не тот ответ, который вы хотите услышать, Ваше Высочество, – сказал он. – Но я уже перепробовал всё, что знаю. Травы, настойки, кровопускания, усиленное питание, покой, смену воздуха... Ничего не помогает. Она продолжает терять плотность.

– Что это значит – «терять плотность»? – спросила Амелия. – Она что, не человек?

– Она человек, – твёрдо ответил Олдрич. – Но её тело... перестаёт быть материальным в полном смысле этого слова. Я не могу объяснить это с точки зрения медицины, потому что это не подчиняется её законам.

Он подошёл к кровати и взял руку Талии, приподнял её. Свеча, стоявшая на тумбочке, замерцала. Сквозь пальцы девочки был виден свет. Сквозь пальцы девочки был виден свет – мутный, желтоватый, похожий на отблеск далёкой звезды. Увидев это, я почувствовал, как внутри всё переворачивается от ужаса и отчаяния. Я не мог поверить, что это происходит с моей сестрой, с нашей маленькой Талией, которая всегда была такой живой, такой тёплой, такой настоящей.

– Посмотрите, – сказал он тихо. – Её кожа пропускает свет. Не вся, но в некоторых местах – уже да. Это не бледность. Это... прозрачность. Если так пойдёт дальше, её тело станет настолько тонким, что она просто... исчезнет. Не умрёт. Растворится.

Я не шевельнулся. Я смотрел на руку сестры, на то, как сквозь неё мерцает огонь свечи. Моё лицо оставалось спокойным, но внутри всё кипело. Я не мог принять это. Ярость и бессилие душили меня. Я хотел закричать, разбить что-нибудь, но я знал – это не поможет. Это только напугает Талию. Я должен был быть сильным, хотя внутри меня всё рушилось.

– Сколько времени у нас осталось? – спросила королева. Голос её был твёрдым, как сталь, но я видел, что она держится из последних сил.

– Шесть лет, – сказал Олдрич. – Может быть, семь. Я не могу сказать точно. Но её дыхание становится всё слабее. Она почти потеряла дар речи. Если она не начнёт восстанавливаться в ближайшие дни...

Он не закончил. Ему не нужно было заканчивать.

Я перевёл взгляд на Талию. Она лежала на подушке, и её лицо было таким же бледным, как простыни. Она выглядела как статуя, вырезанная из мрамора, и я не мог поверить, что это – моя сестра, которая когда-то бегала за мной по саду, смеясь так звонко, что птицы взлетали с деревьев. Я смотрел на неё, и я чувствовал, как внутри меня поднимается что-то тёмное, что-то, что я не мог контролировать.

Королева закрыла глаза. Её плечи чуть опустились, но она не заплакала. Она была королевой. Она не могла плакать при враче.

– Может быть, есть другие способы, – сказала она тихо. – Те, о которых не говорят лекари.

Олдрич посмотрел на неё с тенью удивления. Его брови поползли вверх, на морщинистом лбу отразилось непонимание. Он был человеком науки, человеком фактов. Идеи о чём-то запредельном были чужды ему.

– Ваше Величество, я знаю все известные методы лечения в этом королевстве и за его пределами. Если бы был хоть один...

– Я говорю не о методах лечения, — перебила королева. — Я говорю о том, о чём не пишут в книгах. О старых землях. О местах, которых нет на картах. О тех, кто может помочь там, где бессильны лекарства.

Олдрич нахмурился:

– Это всё легенды, Ваше Величество. Я не советую полагаться на сказки, когда речь идёт о жизни принцессы. Легенды – это то, во что верят моряки, когда пьют ром в портовых тавернах. Они не имеют отношения к реальности.

– А на что нам полагаться? – спросила Амелия с горечью в голосе, и её глаза наполнились слезами. – На тебя? Ты сам сказал, что не знаешь, как её спасти.

Доктор не обиделся. Он смотрел на Талию, на её почти прозрачное лицо, на её руки, которые уже не могли держать уголь. Он тяжело вздохнул, и я видел, как его плечи опустились. Он был старым, уставшим, и он знал, что проигрывает битву, которую не мог выиграть.

– Я знаю, что это звучит как пустота, – сказал он. – Но иногда лучше принять неизбежное, чем...

– Неизбежное? – перебила Амелия, и её голос сорвался на крик. – Ты называешь смерть моей сестры неизбежной?

Олдрич выдержал её взгляд. Он был стар и устал, но он был честным. Я видел это в его глазах – он не хотел причинять нам боль, но он не мог врать.

– Я называю это тем, что я вижу. А я вижу, что её тело умирает без видимой причины. Это не болезнь. Это что-то другое. Может быть, это проклятие. Может быть, это дар, который стал наказанием. Я не знаю. Но я знаю, что ни одно лекарство в этом мире не остановит то, что с ней происходит.

Амелия отвернулась, прижав ладонь к губам, чтобы сдержать рыдания. Я видел, как её плечи дрожат, как она пытается сохранить самообладание. Королева молчала, глядя на дочь. Я стоял в тени и смотрел на Талию, и в моей голове уже рождался план. Я не мог смириться. Я должен был что-то сделать.

Доктор Олдрич вздохнул и начал собирать свои инструменты.

– Я оставляю вам настойку от тревоги, – сказал он, глядя на Амелию. – И ещё одну – для сна, если кому-то из вас понадобится. Я приду завтра утром. Если что-то изменится, пришлите за мной.

Он поклонился королеве и направился к двери. У самого выхода он остановился.

– Я знаю, что мои слова звучат как приговор, – сказал он не оборачиваясь. – Но я не хочу, чтобы вы питали ложные надежды. Чудес не бывает. Бывают только факты.

Он вышел. За дверью послышались его тихие, размеренные шаги.

В комнате повисла тишина.

Амелия подошла к окну и встала рядом с ним, глядя на море. Королева всё ещё держала руку Талии.

Я подошёл к кровати и сел на край. Взял руку сестры – осторожно, почти невесомо. Её пальцы были холодными, но я чувствовал слабое, едва уловимое движение. Она сжимала мою руку. Или мне казалось. Я ничего не сказал. Королева посмотрела на меня. Она знала, что я что-то чувствую, что я о чём-то думаю. Но она не спрашивала. Может быть, она боялась услышать ответ.

– Иди, отдохни, – сказала она тихо. – Ты здесь уже третий час. Тебе нужно поспать.

– Я посижу ещё немного, – ответил я.

Я не смотрел на неё. Я смотрел на Талию. На её лицо, которое почти сливалось с белой подушкой. На её закрытые глаза. На её грудь, которая поднималась и опускалась так медленно, что можно было подумать, что она не дышит.

Амелия отошла от окна и подошла к ним. Она положила руку на плечо брата.

– Ты не виноват, – сказала она. – Никто не виноват. Это просто случилось.

– Я знаю, – ответил я.

Но я смотрел на Талию так, будто видел что-то, чего никто не видел. Будто она говорила мне что-то, чего никто не слышал.

Я сжал её руку чуть крепче.

– Я здесь, – сказал тихо. – Я не уйду.

Талия не ответила. Но её пальцы чуть дрогнули.

Королева стояла рядом и смотрела на нас. Её лицо было неподвижным, но в глазах читалась такая же боль, что и у всех.

За окном шумело море. Тёмное. Бесконечное. Молчаливое.

Я сидел у постели сестры и не говорил ни слова. Мои глаза блуждали по комнате, останавливаясь на знакомых с детства вещах: старом шкафу с потёртой резьбой, портрете бабушки над камином, стопке писем на туалетном столике. И вдруг взгляд зацепился за нечто странное – у изножья кровати, на небольшом мольберте, стоял незаконченный рисунок.

Я подошёл ближе. Это была акварель – яркая, почти светящаяся, но сюжет заставил меня замереть. На бумаге был изображён человек, стоящий на краю утёса, обращённый лицом к морю. Солнце за его спиной разрывало тучи, а от самой фигуры исходило странное сияние – будто она была соткана из света и воздуха. Руки рисовальщицы дрожали, когда она выводила контуры: линии то обрывались, то становились слишком жирными, словно пальцы не слушались. Это была работа Талии – я узнал её стиль, её манеру, её любовь к свету и тени. Но в этом рисунке было что-то иное, что-то, чего я не видел в её предыдущих работах. Будто она рисовала не то, что видела, а то, что чувствовала.

Я перевёл взгляд на стопку бумаг, лежащих рядом. Там было ещё несколько листов – все с одинаковым сюжетом. Тот же утёс, то же море, та же фигура, готовая исчезнуть. Разница была лишь в деталях: на одном рисунке море было штормовым, на другом – штиль, на третьем – небо пылало закатом. Но главное оставалось неизменным: человек на обрыве, прозрачный, почти невесомый, будто вот-вот растворится в воздухе.

Я взял верхний лист. Он был свежим – нарисованным, наверное, два-три дня назад, когда Талия ещё могла держать кисть. В углу стояла её подпись, выведенная мелким, уже слабым почерком: «Талия. 3-й день». Она считала дни. Она знала, что время уходит, и она пыталась запечатлеть то, что видела в своих снах.

– Она рисовала это каждый день, – сказала Амелия, бесшумно подойдя сзади. – Я нашла эти рисунки, когда убирала в её комнате. Их больше двадцати. Все одинаковые. Сначала я думала, что это просто фантазия, девочка мечтает о море... Но потом заметила, что фигура на каждом рисунке становится всё более прозрачной. Как и она сама.

Я молчал, разглядывая контуры. Внизу, под утёсом, на самом последнем рисунке, почти неразличимой тонкой линией был прорисован ещё один силуэт – маленький, почти детский, стоящий в воде и тянущий руки к фигуре наверху. Сердце сжалось.

– Она говорила тебе, кто это? – спросил я, не оборачиваясь.

– Нет. Я спрашивала. Она улыбалась и говорила, что это кто-то, кто ждёт её. И что она скоро встретится с ним. Я думала, это просто игра... – голос Амелии дрогнул. – Но теперь я не знаю, что думать.

Я вернул рисунок на место и сел обратно на край кровати. Взял руку Талии – ту самую, через которую уже проступал свет. Её пальцы были холодными, но я почувствовал, как она

чуть сжала мои в ответ. Я посмотрел на её лицо. Оно было спокойным, почти счастливым. Будто она уже видела тот самый утёс и ту фигуру, которую рисовала день за днём.

– Ты хочешь туда? – спросил я шёпотом. – К тому, кто ждёт тебя?

Она не открыла глаз. Но уголки её губ чуть дрогнули – едва заметно, почти неуловимо. Словно улыбка.

Я сжал её руку сильнее и ничего не сказал.

В комнате повисла тишина. Море за окном шумело так же, как на всех её рисунках. И я понял, что, возможно, она знает больше нас. Возможно, она уже видела этот утёс – не на бумаге, а где-то там, внутри себя. И её болезнь – не просто странное исчезновение. Это путь. Эта мысль, одновременно пугающая и успокаивающая, овладела мной.

Этот рисунок мне кое-что напомнила. Кажется, что я уже его где-то видел. Точно, книга про остров Мендакс, там была одна легенда, про святую, что могла исцелять. Я быстро вскочил и побежал в свою комнату искать эту книгу. Я слышал какие-то крики, что звали меня позади, но мне не было для этого дела, я хотел лишь спасти свою маленькую сестренку.

Найдя книгу, я начал искать главу, где написано о способностях, которые могут помочь нашей проблеме. В этой книге было написано много всего за несколько лет я много раз перечитывал эту книгу поэтому нет сомнений, что то, что я ищу обязательно должно помочь. Вот оно, нашел “Часть 2. Легенда о святой Глава 3. Об исцеление, которое крадет.”

“Об исцелении, которое крадёт

Святая может прикасаться к умирающим и возвращать им силу. Говорят, она способна исцелить любую болезнь, вернуть память тому, кто всё забыл, возратить голос тому, кто его потерял. Но это не дар – это обмен.

Каждый раз, когда она кого-то исцеляет, она забирает у него что-то взамен. Иногда – воспоминание. Иногда – способность любить. Иногда – само желание жить. Она не говорит об этом, но те, кто побывал в её руках, становятся пустыми. Они живут, но не чувствуют. Они дышат, но не видят смысла.

Некоторые верят, что она исцеляет не ради помощи, а ради того, чтобы пополнить свою коллекцию лиц. Что она берёт чужие черты и носит их под своей маской, становясь сильнее с каждым новым обликом. И что однажды она соберёт столько лиц, что сможет заменить ими весь мир.”

Далее шел точно такой же рисунок, который рисовала Талия. Ниже была подпись:

“Святая ждет на краю. Тот, кто найдет ее, обретет спасение – но потеряет себя”.

Я стоял, глядя на страницу, и чувствовал, как внутри меня поднимается странная смесь надежды и страха. Это была та самая женщина с утёса. Та самая, которую рисовала Талия. Та самая, которую я видел в своих снах. Она существовала. И она могла спасти мою сестру. Но цена была высока. Я прочитал строки снова, и холодок пробежал по моей спине. «Потеряет себя». Что это значило? Что Святая заберёт у Талии её личность, её душу? Или что-то более страшное?

Но я отбросил сомнения. У меня не было выбора. Талия умирала, и это был единственный шанс.

Я услышал шаги за спиной и обернулся.

– Кейл, почему ты убежал? – заходя задала вопрос моя мать. За ней зашли Леон, Амелия и отец. Они пришли сюда, волнуясь о моем поведении.

– Я нашел! Нашел способ спасти Талию! – радостно закричал я, для меня моя семья самое важное на свете, и я не смогу пережить если потеряю кого-нибудь из них. Поэтому как бы долго и не пришлось искать я обязательно найду эту святую и, если понадобится буду умолять ее стоя на коленях спасти сестренку.

Я показал им страницу. Все наклонились, читая. Я видел, как их лица меняются – удивление, надежда, тревога. Леон нахмурился, его руки сжались в кулаки. Отец провёл рукой по лицу.

– Но Кейл, тут написано у этого есть своя цена, и нельзя быть уверенным, что это вообще правда. – Прочитав главу сказал отец. Конечно, за такую магию есть своя цена, но какова бы не была я готов заплатить ее с полна, даже если ей будет моя жизнь.

– Даже если и так это наша последняя надежда. Нам все равно нечего терять, разве мы не должны испробовать все возможные способы даже если это всего лишь небольшой шанс.

– Ты, конечно, прав, но все же... – с сомнением произнесла матушка. И я понимал почему она так себя ведет, но в тоже время я был уверен, что нет ничего важнее спасения Талии.

– Матушка, даже если это все просто легенда, мы должны попробовать. Разве мы можем потерять такой шанс? Талия наш драгоценный член семьи, как мы будем жить без нее?

– Хорошо, ты прав, тогда я найду людей, которые отправятся на поиски святой.

– Я тоже отправлюсь в путешествие! – уверенным голосом сказал я. Кто лучше меня справится с миссией, в которой на кону стоит цена жизни драгоценного сердцу человеку.

– Ну уж нет! – строгим голосом короля проговорил отец. – Это слишком опасно и не стоит того, чтобы жертвовать еще и твоей жизнью. – Я понимаю опасения отца, но как можно доверить такое важное дело чужим людям.

– Твой отец прав, мы не можем позволить тебе подвергать себя опасности. Мы и так сейчас волнуемся за Талию, ты хочешь заставить нас волноваться и о тебе тоже? Ни за что, я этого не переживу.

– Но ведь...

– Кейл, отец с матушкой правы. Так что даже не думай возражать. – вклинился в разговор Леон.

– И правда, что если ты тоже погибнешь, тогда мы похороним не одного, а целых двух членов семьи. – начала поддакивать Амелия.

– На этом разговор окончен. И это не обсуждается, Кейл. Мари найдет команду, которой мы сможем доверять, и они отправятся в путь. Отец закончил этот бессмысленный спор, и они все покинули мои покои.

А мне ничего не оставалось кроме как послушно забыть о своей идеи отправиться в путь. Придется просто ждать новости о поиске спасенья не только для Талии, но и для всей нашей семьи. Но внутри меня теплилась надежда, что когда-нибудь я сам найду этот остров. Я чувствовал себя загнанным в клетку, но не сломленным.

Я подошёл к окну и посмотрел на море. Оно было темным, бесконечным, и я знал – где-то там, за горизонтом, был Мендакс. И там была Святая. И я должен был найти её. Я не мог просто сидеть сложа руки. Но ока я был бессилен. Я сжал кулаки и пообещал себе, что однажды, когда придёт время, я отправлюсь в это путешествие. И ничто не остановит меня.

Глава 4. Долгожданный зов.

ОРИАН

Настоящее время

Море лежало передо мной неподвижной гладью, как огромное зеркало, в котором отражалось бледное небо. Лёгкая рябь изредка пробегала по поверхности, дробя отражения облаков на тысячи серебряных осколков. Вода была прозрачной у самого борта, и сквозь её толщу можно было разглядеть тёмные силуэты проплывающих рыб и колышущиеся водоросли на далёком дне. Запах соли и йода смешивался с едва уловимым ароматом далёкой земли. Вдали, на горизонте, вода сливалась с небом в одной бледно-голубой дымке, и казалось, что мир заканчивается там, где начинается эта бесконечная гладь. Тишину нарушал лишь мерный плеск волн о корпус да крики чаек, круживших над мачтами.

Смотря на просторы моря, я каждый раз вспоминаю о снах, которые снятся мне постоянно. Женщина, что каждую ночь меняет свой лик, но ее слезы одни и те же блестят как жемчужины, которые я начал находить с тех самых пор, как я начал заниматься мореплаванием. Она стояла на берегу и будто молила меня о чем-то. Но я не понимал ее, она говорила на языке, которого я не понимал. Но море за ней было иным в отличие от того на которое я смотрел сейчас. Море выло. Его огромные, тяжёлые волны катились к горизонту и обратно, будто всё это пространство было грудью этой кричащей девушки, которая металась в страхе. Пена на гребнях не была белой — она была серой, грязной, она взлетала и падала, не успев оформиться, и ветер носил её солёные ошметки над водой, слепляя воздух в солёную кашу. Небо было расплющено тяжестью, оно нависало, давило, и в нём то и дело вспыхивали сухие зарницы, не давая грома, только подчёркивая зыбкость границы между водой и небом. Море пахло железом, йодом и мокрым камнем — запахом древности, холода и той силы, которая не знает жалости. И в этом бесконечном, утробном грохоте, в этом рёве и плеске, было столько яростной жизни, что казалось — само время остановилось, застыло, наблюдая за этой стихией, которая не знает ни конца, ни края.

Я стоял на корме «Маре Тенебрум» — так я назвал свой корабль, когда впервые ступил на его палубу два года назад. Это имя пришло ко мне во сне, как и многие другие вещи в моей жизни. «Море Теней» — так переводилось оно с древнего языка, который я не знал, но почему-то понимал. Корабль был моим домом, моей крепостью, моей единственной свободой. Чёрные паруса, обшитые серебряной нитью, хлопали на ветру, и я чувствовал, как каждая доска под ногами отзывается на движение волн. Я любил этот корабль больше, чем что-либо на свете, потому что он был моим, только моим, и никто не мог отнять его у меня.

Я родился в портовом городе, где запах рыбы и дёгтя смешивался с криками чаек и звоном монет. Мой отец был рыбаком, мать — прачкой. Они умерли, когда мне было десять лет, от лихорадки, которая скосила половину квартала. Я остался один, без дома, без денег, без будущего. Я выживал на улицах, воруя еду и ночуя в трюмах брошенных кораблей. Именно там, в темноте и сырости, я впервые увидел её во сне. Она стояла на берегу, и волны омывали её ноги. Она не говорила, но я слышал её голос в своей голове: «Иди ко мне. Я жду тебя». Я проснулся с мокрыми от слёз щеками и с твёрдой уверенностью, что моя жизнь изменится.

С тех пор я работал на разных судах — юнгой, матросом, боцманом. Я учился читать карты, управлять парусами, вести корабль в шторм. Я заработал репутацию человека, который не боится ни бога, ни дьявола, ни самого моря. Но внутри меня всегда жила та женщина из снов, и я знал — однажды я найду её. Или она найдёт меня.

Мои раздумья прервали колокола, что били прямо рядом с морем. Их игра была печальной и было ощущение что играющий скучал по кому-то. А все дело было в том, что сегодня оплакивали смерть одного из членов королевской семьи. Ровно год назад этот мир покинул третий принц Кейл Адриан. Как сообщили народу это был несчастный случай, принц упал с высокой башни дворца потянувшись за чем-то неизведанным. Но так ли это на самом деле никто не знает. Плохо то, что в их семье есть еще один человек, что стоит на краю гибели. Принцесса Талия больна уже несколько лет, никто не знает, чем и как ее спасти. Королевская семья уже долгое время нанимают команды, чтобы отыскать лекарство, а точнее человека, который сможет спасти девочку. Но ни у одного известного капитана, так и не вышло найти загадочного лекаря.

Я смотрел на город, который раскинулся у подножия холмов. Туррос – столица королевства, величественный и шумный, с высокими башнями и узкими улочками. Я бывал здесь всего несколько раз, и каждый раз чувствовал себя чужим. Слишком много правил, слишком много церемоний, слишком много взглядов, которые осуждали меня за то, что я ношу маску, скрывающую половину лица. Но я привык. Маска стала частью меня, как и шрам, который она скрывала.

– Кэп! – крикнул Горм, мой боцман. – За тобой пришли из дворца.

Я обернулся и увидел, как к причалу приближается группа стражников в сверкающих доспехах. Они двигались с достоинством, подобающим королевской страже, но я заметил, как их взгляды скользят по моему кораблю с плохо скрываемым презрением. Пираты – для них мы были отбросами общества, даже если нас нанимали для выполнения важных миссий. Но мне было всё равно. Наконец-то то, чего я ждал два года свершилось. С самого начала моей карьеры я ждал, когда настанет момент для моего звездного часа. Поиск лекаря – это конечно хорошо, но что это за человек. Как я слышал от других капитанов, которых призывали во дворец, они ищут святую народа Ментирозо с острова Мендакс. Это место не показано на карте, лишь белое пятно, от этого путешествие будет не только полезным кому-то, но и очень интересным. Я почувствовал прилив адреналина и предвкушение.

Я спустился по трапу и оказался лицом к лицу со стражниками. Их командир – высокий мужчина с орлиным носом и холодными серыми глазами – шагнул вперед и окинул меня взглядом, полным высокомерия.

– По какому поводу ко мне пришли такие важные шишки? – с явной насмешкой в голосе произнес я. Может я и хочу получить этот заказ, но их высокомерные рожи я просто терпеть не могу. Надо их как-то растормошить, чтоб меньше выделялись.

– Следите за словами! Вы капитан пиратской команды “Незримые”?

– Ну я и что?

– Нельзя быть повежливее с гостями?

– Ох, простите-с, не подумал-с, мне преклонить колени? Ребятки, вы пришли к пиратам, а не на бал, тут уважение проявляют лишь к тем, кто этого достоин. А вы вряд ли этого заслуживаете.

– Как интересно! – вдруг услышал я голос из-за этой толпы стражников. – А я достоин уважения? – говоривший человек вышел и у меня чуть не отвисла челюсть. Тот, кто должен сейчас находиться на поминках у своего младшего брата, пришел сюда ради какого-то пирата. Это был сам второй принц – Кассий Адриан – известный своими жестокими правилами в порту. Ведь он командир портовой стражи, что контролирует здесь всё. Он был высок, как и его отец, с такими же пронзительными голубыми глазами, но его лицо, обветренное морским ветром, казалось более суровым, а темные волосы были коротко острижены. На нём был чёрный плащ, расшитый серебром, и я заметил, что под ним он носит меч, который выглядел не просто церемониальным, а боевым. Этот человек не просто принц – он был воином.

Я почувствовал смесь уважения и вызова. Я знал о нём многое — он был тем, кто лично патрулировал порт, кто не боялся марать руки, кто казнил пиратов на месте, не дожидаясь суда. Он был опасен, но в его глазах я увидел что-то, что не ожидал — не просто гнев, а усталость. Глубокую, изнуряющую усталость человека, который потерял слишком много.

— Приветствую вас, Ваше высочество. Прошу прощения, если оскорбил вас своими словами, я не знал, что вы были здесь. — Черт, на кой он сюда явился. Разве он не ненавидит пиратов до глубины души? Так что ему здесь понадобилось от меня? Сцепиться собрался? Так пусть попробует, я не боюсь его статуса.

— Мне интересно, — начал принц, — почему твой корабль назван Маре Тенебрум?

Ему то что? Мне просто в голову пришло и все! Стоп! А разве одно из имен королева не Маре? Черт, теперь понятно, что ему понадобилось. Надо сообразить что-нибудь по-быстрому. Я почувствовал, как внутри меня закипает холодный пот. Я не хотел, чтобы он думал, что я как-то связан с его семьёй. Это было бы слишком опасно.

Горм шагнул вперёд, и его коренастая, но плотная, как старый дуб, фигура мгновенно заслонила Ориана от принца. Боцман был невысоким — чуть выше среднего, около пяти футов и семи дюймов, — но в нём чувствовалась такая основательная, приземистая сила, что казалось, его невозможно сдвинуть с места даже ураганом. Широкие, покатые плечи, мощная, выпуклая грудь и короткие, но невероятно крепкие ноги, твёрдо упиравшиеся в палубу, делали его похожим на старый, вросший в землю дуб, который выдержит любой шторм. Его руки, покрытые сетью старых шрамов и выступающих вен, были как канаты — жилистые, сильные, способные переломить весло пополам или удержать штурвал в самый лютый шторм.

Волосы Горма — русые, коротко стриженные, жёсткие, как проволока, — торчали в разные стороны, непослушные и неухоженные, а у висков уже пробивалась густая седина, серебрившаяся на солнце. На правой руке, чуть выше запястья, виднелась старая татуировка якоря — выцветшая, с размытыми контурами, но всё ещё различимая. На поясе у него висел тяжёлый нож в простых кожаных ножнах, а рядом — старый медный свисток, которым он подавал сигналы команде, и потёртая фляга, из которой он никогда не пил ничего, кроме воды.

Лицо его было простым, мужественным, с крупными, грубоватыми чертами, вырезанными ветрами и солёными брызгами. Нос с лёгкой горбинкой был чуть искривлён — Ориан знал, что его сломали в давней драке, о которой Горм никогда не рассказывал. Левая бровь была рассечена старым, давно зажившим шрамом, который делал его взгляд чуть более суровым, а на правой щеке, у самой скулы, темнели несколько мелких шрамов — следы от осколков, полученных в одном из боёв. Глаза его, серые, глубоко посаженные, смотрели на принца спокойно и внимательно, и Ориан знал, что они видят всё: каждое движение, каждое колебание воздуха, каждую тень, которая могла бы таить угрозу. Они были как два холодных, утренних камня, которые не выражали ни страха, ни подобострастия — только ту спокойную, невозмутимую уверенность человека, который знает цену каждому своему слову.

Одет Горм был просто, по-матросски, без излишеств, с той небрежной основательностью, которая выдавала человека, привыкшего к морю. На нём была грубая холщовая рубаша, выцветшая до сероватого оттенка, с распахнутым воротом, открывавшим мощную, жилистую шею и ключицы, покрытые старой, уже почти белой татуировкой. Поверх неё — жилет из грубой, потёртой кожи, без пуговиц, зашнурованный спереди сыromятным ремешком. Штаны из плотной тёмной ткани были заправлены в высокие сапоги из грубой, многократно просмоленной кожи, вечно покрытые солью и песком, — сапоги, которые видели не один десяток штормов. В холодную погоду он иногда накидывал старую морскую куртку, но сейчас стоял в одном жилете, и Ориан видел, как под тканью перекачиваются тяжёлые мышцы его плеч.

Когда Горм заговорил, его низкий, рокочущий голос, с лёгкой хрипотцой, прозвучал неожиданно ровно и властно. Ориан заметил, как он неуловимо изменился в тот момент, когда шагнул вперёд, — его плечи распрямились, взгляд стал холоднее, жёстче, и в его голосе появи-

лась та повелительная нота, которая превращала простого боцмана в капитана. Он говорил не спеша, с лёгким, едва уловимым акцентом, который выдавал в нём человека не из простых, — и Ориан в который раз поразился тому, как убедительно его друг умел перевоплощаться. Каждое его слово было как взвешенный груз, и в них не было ни капли подобострастия, только та спокойная, тягучая уверенность, которая заставляла даже принца слушать.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, — Когда Горм заговорил, его низкий, рокочущий голос, с лёгкой хрипотцой, прозвучал неожиданно ровно и властно. — если переводить это на наш язык, то это значит «Море Теней», мы команда теней что составляет одно большое море. Вот какой смысл вложен в это название.

Я заметил, как он неуловимо изменился в тот момент, когда шагнул вперёд, — его плечи распрямились, взгляд стал холоднее, жёстче, и в его голосе появилась та повелительная нота, которая превращала простого боцмана в капитана. Он говорил не спеша, с лёгким, едва уловимым акцентом, который выдавал в нём человека не из простых, — и я в который раз поразился тому, как убедительно мой друг умел перевоплощаться. Каждое его слово было как взвешенный груз, и в них не было ни капли подобострастия, только та спокойная, тягучая уверенность, которая заставляла даже принца слушать.

«Горм, да ты ж просто лучший, не зря ты мой боцман», — мысленно хвалю я его. Я знал этого человека почти пять лет, но каждый раз, когда Горм вступал в игру, я поражался тому, как глубоко тот умеет прятать свою настоящую суть — заботливую, почти отеческую, под маской сурового, молчаливого боцмана. И сейчас, глядя на его непроницаемое лицо и твёрдую, надёжную фигуру, я в который раз понял: без этого человека мой корабль давно бы лежал на дне, а сам — кормил рыб где-нибудь в море. Горм был моей скалой, моим якорем, моим молчаливым, несокрушимым оплотом. И я знал: пока Горм рядом, мы справимся с чем угодно.

— Все именно так, как говорит мой помощник.-поддакиваю я, сбрасывая оцепенение. Я старался, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри всё ещё билась тревога.

— Да? Какой глубокий смысл. Но это не так важно. Кантус, прочитай указ.

-Да, Ваше высочество. Указом, ее величества, королевы Изабель Маре Адриан, капитану пиратской команды Ориану Вентрис велено явиться во дворец для встречи с королевской семьей. Ориан Вентрис примите указ.

— Я принимаю указ.

— Вам следует встать на колени! — сказал этот самый... как его там? Вантус, Мантус, ааааа, не важно.

— Забудь, пираты слишком гордый народ. Уверен он даже перед королем и королевой на колени не встанет.-с усмешкой на лице произнес принц. Думаю, они уже долго ждут нам пора отправляться. Господин боцман, так как вы более разумный человек и уверен сможете сдерживать своего капитана, вам следует так же пойти, чтобы он не натворил дел.

— Буду благодарен, Ваше высочество, ведь от судьбы капитана зависит судьба всей нашей команды. Коршун! Присмотри за кораблем пока нас с кэпом не будет!

На этом мы закончили мою перепалку с этими выводящими из себя людьми и отправились во дворец. Чувство неизбежности и лёгкое беспокойство охватили меня. Я шёл рядом с Гормом, чувствуя его твёрдое плечо, и думал о том, что ждёт меня впереди. Королевская семья, больная принцесса, легендарный остров — это было больше, чем просто работа. Это был шанс, который мог изменить всё.

Глава 5. Встреча в главном зале

ОРИАН

Мы ехали в карете от самого корабля. И все бы хорошо если бы не одно, но... Второй принц решил ехать с нами в одной карете. Что ему опять нужно? Снова поцапаться? Это я пожалуйста, я ж завсегдатай, кто не нарвется всегда получает. Но вот что странно мы проехали уже пол пути до входа во дворец, но он только пристально смотрит на меня и ничего не говорит. Ну была не была...

Карета была просторной, обитой бархатом, с золочёными ручками и гербом королевской семьи на дверцах. Я сидел напротив принца, Горм – рядом со мной, и тишина была такой плотной, что её можно было резать ножом. Я смотрел в окно на проплывающие мимо улицы – узкие, мощёные булыжником, с домами, которые казались игрушечными из-за своих ярких фасадов. Туррос был красивым, но чужим для меня. Я привык к морю, к открытому небу, к свободе. Здесь всё было подчинено правилам, и я чувствовал себя в клетке.

– Ваше высочество, вы что-то хотите спросить? – наконец нарушил я молчание, не выдержав его пристального взгляда.

Он дернулся, будто вышел из транса. Я аж сам удивился этому. Казалось, он смотрел сквозь меня, на что-то, что было далеко за пределами кареты.

– Да, ты прав. Есть у меня один вопросик. Ты собираешься в таком виде предстать перед правящей семьёй?

Нет, ну это уже совсем наглость. Я пират и не обязан вести себя как расфуфыренный петух на потеху другим.

– А вас что-то не устраивает? – нет, все же я не выдержу этого нахального...

– Не престало человеку скрывать свое лицо на встрече короля и королевы.

Аааа, так его маска моя не устраивает, тогда ничего страшного, на этот вопрос я уже давно придумал ответ, чтобы меня не мучали с этим. Моя маска была из чёрной кожи, закрывала половину лица, и под ней скрывался глубокий шрам, идущий от виска к подбородку. Я носил её не столько из-за стыда, сколько из-за нежелания видеть жалость в чужих глазах. Жалость была хуже ненависти.

– Скажите-ка, второй принц, мне что же, лучше показать свое лицо со шрамом, что занимает пол лица? Разве это не будет неуважительно? – Я смотрел на него в упор, и я видел, как он колеблется. Он не знал, что я скрываю под маской, и мои слова заставили его задуматься.

– Тебе бы научиться выражаться поуважительней, – вдруг встрял Горм. – А то его высочество тебе язык отрежет, который не знает когда остановиться.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся принц, и этот смех был неожиданно искренним. — Вы напоминаете мне моих старшего и младшего брата. Когда мы были маленькими, мой брат Леон всегда пытался наставить на путь истинный Кейла. Как жаль, что ему этого так и не удалось.

Боль в его глазах кольнула моё сердце. Я почувствовал вину за то, что в какой-то момент хотел вмазать ему, хотя он просто с помощью меня хотел заглушить печаль и тоску. Его боль была заразна. Я вдруг увидел в нём не принца, не командира стражи, а просто человека, который потерял брата и отчаянно пытался справиться с этим.

– Ладно, раз маска скрывает шрам, то тут ничего не поделаешь. Уверен, отец с матушкой не захотят тебя этим смущать. Глядите-ка, как быстро время пролетело, мы уже подъезжаем. – Он указал в окно, и я увидел, как перед нами вырастают ворота дворца.

Дворец был великолепен – белый мрамор, высокие башни, шпили, устремлённые в небо, как пальцы, молящие о прощении. Он стоял на утёсе, и море плескалось внизу, создавая веч-

ный шум, который был слышен даже сквозь толстые стены. Я вышел из кареты, чувствуя, как ветер касается моего лица, и на мгновение позволил себе насладиться этим видом.

– Братееееец! – Услышали мы, выходя из кареты. На нас летел маленький мальчик, и учитывая, что он кричал, он явно бежал ко второму принцу. – Где же ты был? Отец чуть не приказал найти тебя и привести связанным, он так разозлился, что ты пропустил поминки третьего брата, мне даже показалось, что у него из глаз молнии стреляют. – Когда паренек наконец замолчал, он заметил меня и Горма за спиной своего брата. – Ой, Кассий, ты что ездил за тем пиратишкой, которого нашла наша матушка для поиска святой?

Пиратишкой? Этот сосунок посмел назвать меня так? Меня? Капитана команды пиратов, которая стала известной всего за два года своего существования? Ах, этот, мелкий, да ему уши надрать за такое мало. Ну и что с того, что он принц, только титул и имеет, а так обычный парнишка, а вон как нарывается.

– Ну-ну, Тео, пираты слишком гордый народ, будешь их так оскорблять, кто знает, какие проклятия нашьют на тебя, пока ты спишь.

– Ага, конечно, я в такое не верю, это только третий брат, мог бы поверить в такую чушь, как проклятия, святы, таинственный остров. – опять. Который раз за день вспоминается третий принц, что же он за человек такой, раз все время всплывает в разговоре со мной.

– Не говори так. Ты ведь все прекрасно знаешь.

– Знаю-знаю. Ладно, пошли. Все уже ожидают.

Пока мы шли к месту, где состоится встреча я осматривался вокруг. Хоть со дня кончины третьего принца уже и прошел год, черные ткани, скрывающие всю величественность дворца, продолжали висеть. Где их не было, висели картины на каждой из которых присутствовал его высочество Кейл. Только членам его семьи известно, зачем он оставили висеть картины, что постоянно напоминают человека, тень прошлого, который никогда не вернется, причиняя себе тем самым боль. Но это меня не касается. Я здесь только ради дела, которое поможет мне стать первооткрывателем острова, скрытого туманом.

Войдя в зал, я ощутил все его величие даже если оно скрыто за темными простынями, не может ускользнуть от взора. Передо мной стояло девять тронов, три из которых были свободны. Скорее всего они принадлежат двум принцам, стоящим рядом с нами, а третий... Они решили сохранить все, что связано с прошлым, которое никогда не вернуть.

Принцы Кассий и Тео заняли свои места рядом со своей семьей. И только тогда я заметил, что все они одеты в черный дорогой шелк. Все же смерть третьего принца сильно сказалась на всей семье. В народе ходила молва, что принц Кейл был просто очарован приключениям, но так же не забывал, что он все же член королевского рода, вел себя на людях статно. И все его очень любили и восхищались, как простые люди, так и с титулом. Все же это особая черта моего дорогого друга.

Король Генрих восседал в центре. Он был высок, статен, и даже в чёрном траурном одеянии в нём чувствовалась та тяжеловесная властность, которая достаётся только тем, кто привык править. Но я видел и другое: глубокие морщины, прорезавшие его лицо, седину, уже не благородную, а усталую, и мешки под глазами, выдававшие бессонные ночи. Он смотрел на нас – пиратов без презрения, только с той усталой настороженностью, которая появляется у отцов, боящихся потерять ещё одного ребёнка.

Рядом с ним сидела королева Маре. Я задержал на ней взгляд дольше, чем на других. Её называли легендой – женщина-мореплательница, пересекшая океан Снов и вернувшаяся живой. И я видел это в ней. Она была всё ещё красива – тёмные, с обильной сединой волосы, уложенные в строгую причёску, тонкие черты лица, которые не растеряли своей утончённости даже с годами. Но главным были её глаза – глубокие, синие, как океан в ясный день. Они смотрели на меня с пониманием, которого я не ожидал. Она не судила меня, не боялась. Она видела во мне того, кто знает море, как она сама.

Принц Леон сидел ближе всех к королю – по правую руку. Я сразу понял: наследник. Он был точной копией отца в молодости, видел его на картинах в коридоре: те же голубые глаза, та же волевая линия рта, тот же прямой, гордый постав головы. Но в его лице было что-то, что не давало ему покоя – печать глубокой, постоянно присутствующей заботы. Он смотрел на меня с напряжённым вниманием, оценивая, взвешивая. Я видел, как Леон то и дело бросал взгляд на сестру, сидевшую через несколько тронов от него, и в этом взгляде было столько боли, сколько не выдерживает обычный человек. Он был наследником, будущим королём, но сейчас он был просто старшим братом, который боялся потерять младшую сестру.

Два младших принца, близнецы, сидели по левую руку от королевы. Элион – старший из них – был серьёзен, сосредоточен, с той настороженностью, которая появляется у тех, кто слишком рано узнал, что такое потеря. Он сидел рядом с сестрой, и его рука лежала на её плече, будто он пытался передать ей свою силу. Его глаза, тёмные и глубокие, следили за каждым моим движением, и в них не было враждебности – только тихая, настороженная надежда. Он был готов защищать, даже если не знал, от чего.

Рядом с ним, чуть ближе к краю, сидел Тео – тот самый мальчишка, который назвал меня «пиратишкой». Он был младше брата, подвижнее, с живыми, озорными глазами, но даже в них я видел отблеск той же тени, что лежала на всех в этом зале. Тео не мог усидеть на месте, его пальцы нервно теребили край рукава, и он то и дело поглядывал на пустой трон – на алую розу, которая лежала на сиденье. Он был ещё ребёнком, но он уже знал, что такое смерть.

И наконец, принцесса Талия...

Я смотрел на неё, и у меня перехватило дыхание. Она сидела на троне, но казалось, что она не касается его – будто её тело уже потеряло вес, стало почти невесомым. Её кожа была полупрозрачной, сквозь неё проступали тонкие голубые вены, и свет, падающий из окон, проходил сквозь её пальцы, оставляя на подлокотнике бледные, призрачные тени. Она была прекрасна – той странной, неземной красотой, которая появляется у людей, стоящих на пороге между жизнью и смертью. Её лицо было бледным, как пергамент, глаза – большими, тёмными, и они смотрели на меня с такой тихой, пронзительной надеждой, что у меня сжалось сердце. Она не говорила, она не шевелилась, но я видел: она верила. Она верила, что я смогу помочь. И в этом взгляде было больше силы, чем во всех королевских указах.

– Ты видно и есть Ориан Вентрис, послышался грубый, низкий, с хрипотцой голос человека, который слишком долго носил тяжесть короны и слишком много потерял. По его тону можно было понять, что он уже устал, от испытаний, которые даровала ему судьба. – Восходящая звезда пиратов.

– Приветствуем, Ваши величества и Ваши высочества!-проговорили мы хором с Гормом. Я кивнул утвердительно на вопрос короля.

– Как смеешь... – рыпнулся один из слуг, но его остановил, женский голос.

– Не надо, – сказала королева. Её голос был мелодичным, но в нём чувствовалась сталь. – Он пират, а такие люди свободолюбивы и честны. Наши правила их не особо заботят. Где бы они не были, будут делать лишь то, что захотят.

Я посмотрел на неё с удивлением. Она не просто понимала пиратов – она говорила о них с уважением. Я вспомнил, что она сама была мореплательницей, и, возможно, она знала больше, чем показывала.

– Прошу прощения за моего капитана. Он и правда не различает моменты, когда надо вести себя подобающе. – Горм поклонился, и я заметил, как королева едва заметно улыбнулась.

– Всё в порядке. Я же тоже когда-то путешествовала по морям и океанам. Так что для меня это в порядке вещей. – Она говорила это с лёгкой ностальгией, и я видел, как её взгляд на мгновение устремился вдаль, туда, где за окнами плескалось море.

– Матушка, мне кажется, пора переходить к причине, по которой мы его позвали. – сказал первый принц, голос был ровным, но в нём слышалась та же усталость, что и у короля.

–Ты прав.

– В принципе у меня есть представление, чего вы от меня хотите. Чтобы я отправился на поиски острова, где мне следует найти святую. Я ведь правильно понял. –меня насторожило ее состояние, ведь это означало, что у меня минимальные сроки, чтобы спасти девчущку. –Так сколько времени у нее осталось?

–Кэп, повежливее!

–Ого, а помягче нельзя? Она может не говорит, но все слышит. –с недовольством в голосе упрекнул еще один принц – четвертый принц Элион.

– Я просто перешёл к самой сути... Какой у меня срок на выполнение вашего приказа?

– Я старался говорить спокойно, но внутри меня всё кипело. Я не хотел тратить время на церемонии, когда жизнь девочки висела на волоске.

–Насколько рассудил наш лечащий врач Талии остался год. Поэтому тебе надо уложиться в 10 месяцев.

–Агаааа, задача не простая, но попытаться стоит.

–По поводу оплаты...

–Стоп, –перебил я наследника, и он с хмурым лицом уставился на меня. – Я не возьму с вас ни одного осколя, до тех пор, пока на выполняю задания.

– Но вам ведь надо будет на что-то жить во время задания.

–Если вы забыли – мы пираты, и прокормить себя как-нибудь, да сможем. Не стоит об этом волноваться. Все же я не тот человек что будет брать плату за задание, в выполнении которого даже не уверен. –Вся семья посмотрела на меня как на сумасшедшего. Конечно, ведь насколько мне известно, все кого они нанимали до меня запрашивали у них просто огромные суммы. –Кстати, я соболезнаю вам в вашей беде. Кейл был хорошим парнем.

– Откуда ты знаешь и почему обращаешься к нему неформально? –спросила меня королева.

–А он вам не говорил? Мы познакомились с ним три года назад и стали друзьями. Именно тогда он и рассказал мне о вас и вашей беде. Именно ради исполнения его мечты я и захотел стать пиратом.

Я вспомнил тот день, когда встретил Кейла. Это было в портовой таверне, где я пил ром, пытаясь забыть очередной неудачный рейс. Он подошёл ко мне, молодой, светящийся надеждой, и спросил, знаю ли я что-нибудь об острове, которого нет на картах. Я сначала посмеялся, но потом увидел его глаза – они были такими же, как у меня, когда я видел свои сны. Мы проговорили всю ночь, и он рассказал мне о своей сестре, о книге, о белом пятне. Он говорил так страстно, что я не мог не поверить ему. И когда он ушёл, я знал – я должен был помочь ему. Я должен был найти этот остров.

– Нет, он нам об этом не рассказывал. Но, видно, он считал тебя лучшим другом, раз рассказал тебе о своих мечтах. – Королева смотрела на меня, и я видел, как её глаза наполняются слезами. Она сдерживала их, но я знал, что она плачет внутри.

– Кто знает. Может, считал, а может, и нет. Может, просто у нас была одна мечта на двоих. Этого мы уже никогда не узнаем. Ладно, хватит болтать. Если мы хотим побыстрее найти святую, нам пора бы уже отправляться. – Я встал, чувствуя, что разговор заходит слишком глубоко. Я не хотел, чтобы они видели мою уязвимость.

Когда я закончил говорить, король поднялся с трона. Он шагнул вперёд, и в его руках я заметил нечто, чего не видел раньше. Это была книга – старая, в потёртом кожаном переплёте, но её обложка странно переливалась на свету: перламутр, серебро, словно чешуя огромной рыбы. Она была не просто украшена – она была живой. Когда луч солнца упал на неё, я увидел, как по поверхности пробегает рябь, будто внутри плескалась вода.

– Это, – сказал король, и голос его стал глубже, торжественнее, – было самым дорогим, что осталось от Кейла. Он нашёл её за год до своей гибели. Он перечитывал её каждую ночь,

делал пометки на полях, пытался разгадать её тайны. Мы не знаем, откуда она взялась. Она просто появилась у нас однажды – и мы решили, что она должна принадлежать тому, кто продолжит его путь.

Он протянул книгу Ориану. Тот взял её, чувствуя, как обложка теплеет под пальцами, будто живое сердце. От неё пахло морем и древностью – запахом, который он знал лучше любого другого.

– Эта книга – «Исчезающие лица», – сказала королева, и в её голосе послышалась та же боль, что и в глазах. – Она рассказывает о Мендаксе, о Ментирозо, о Святой, которая может исцелять. Кейл верил, что в ней спрятан ключ к спасению Талии. Он не успел найти его. Но мы надеемся, что ты сможешь.

Я смотрел на книгу и чувствовал, как она пульсирует в моих руках, как она словно говорит со мной. Я вспомнил, как Кейл рассказывал мне о ней три года назад, в портовой таверне. Тогда я не придавал этому значения, но сейчас, держа её в руках, я понял: это не просто фолиант. Это компас, который укажет путь.

– Я сохраню её, – сказал я, и мой голос был твёрже, чем ожидал. – Я прочитаю её до последней страницы. И я найду Мендакс. Клянусь.

Королева кивнула, и в её глазах блеснула надежда — та самая, которую он видел у Талии. Король положил руку на мое плечо, и в этом жесте было больше доверия, чем в любых словах:

– Да, мы все надеемся на ваш успех! – воодушевлённо сказал король. – Отправляйтесь и, самое главное, вернитесь живыми. Раз ты друг нашего Кейла, то ты друг для всех нас. А такие люди нам как семья. Ведь мы не всякому можем довериться.

Позади них, на пустом троне, лежала алая роза, и я знал: он несёт с собой не просто книгу. Он несёт память о человеке, который верил в него.

– Благодарю, ваше величество! Тогда мы пойдём. Но не вините нас, каким бы ни был исход. – Я поклонился и направился к выходу, чувствуя на себе взгляды всей семьи. Я знал – они надеялись на меня, и эта надежда была тяжелее любого груза.

Глава 6. Отправляемся в путь

ОРИАН

Мы с Гормом вернулись на корабль. Команда уже ждала нас – кто с надеждой, кто с любопытством, кто с откровенным недоверием, но все знали: я не прихожу с пустыми руками. «Маре Тенебрум» стояла на якоре в гавани, её чёрные паруса были туго свернуты, а на палубе сновали матросы. Чувство дома и общности охватило меня, когда я ступил на палубу и услышал знакомый скрип досок.

Я прошёл в свою каюту – небольшую, но уютную, с картами на стенах, с книгой «Исчезающие лица» на столе, с окном, выходящим на море. Я сел за стол и провёл рукой по обложке книги. Она была тёплой, как всегда, и я чувствовал, как она пульсирует в такт с моим сердцем. Я открыл её на странице, где были нарисованы лица женщин, которые снились мне. Шесть лиц, шесть масок, шесть взглядов, устремлённых в разные стороны. Я знал – они были ключом. Я не знал, как их использовать, но я чувствовал, что ответ где-то рядом.

– Ну что, кэп? – спросила Марселла, вытирая руки о передник. Она была женщиной лет сорока, крепкой, с седыми прядями в тёмных волосах и острым, цепким взглядом, который ничего не упускал. Она была моим первым помощником и моей правой рукой. Она знала корабль лучше, чем я, и я доверял ей больше, чем кому-либо на свете. – Принёс что-то стоящее или опять рыбацкие байки?

Я усмехнулся и достал из-за пазухи фолиант. Кожаный переплёт был потёрт до блеска, страницы пахли плесенью и морем. В моих руках он казался почти живым.

– «Исчезающие лица», – прочитала Марселла, склонив голову. – Звучит как название дешёвого романа.

– Это хроники Мендакса, – сказал я, положив книгу на бочку. – Легенды о том, как найти остров, которого нет. И о Святой, что исцеляет безнадежных. Принцесса Талия умирает, Марселла. Её тело становится прозрачным, и никто из врачей не может помочь. Если мы не попробуем найти этот остров, она исчезнет навсегда. Я не могу позволить этому случиться. – Во мне говорила не только решимость, но и глубокое сострадание к этой девочке, которую я никогда не видел.

Марселла взяла книгу, пролиستала несколько страниц, хмыкнула и вернула мне.

– Я с тобой, кэп. С самого начала была с тобой. И если ты говоришь, что там есть ответ – значит, мы его найдём. Даже если для этого придётся перевернуть всё море. Принцесса заслуживает шанса, как и любой другой человек.

– Даже если это опасно? – спросил я, глядя ей в глаза.

Марселла усмехнулась и поправила повязку на запястье:

– Опасность – моя вторая стихия. Я не боюсь того, чего нет на картах. Я боюсь сидеть на месте, когда кто-то рядом гибнет. Так что давай – показывай, куда плыть. Мы разберёмся по пути.

Остальные тоже подтянулись. Альтаир, наш старый штурман, уже рассматривала обложку с прищуром. Это была сухая, жилистая женщина с вечно растрёпанными рыжими волосами и внимательными зелёными глазами, которые, казалось, видели больше, чем обычный взгляд. Она была картографом, и без неё мы бы потерялись в первом же шторме.

– Здесь много странных записей, – сказал я, открывая книгу на середине. – Рисунки утёсов, обрывки стихов, какие-то числа на полях. Пока я не понимаю, как всё это связано, но чувствую – ключ где-то здесь. Нам нужно просто плыть и разбираться в пути.

– Дай-ка я взгляну, – пробормотала Альтаир, беря фолиант и поднося его к лампе. Свет выхватил из темноты странные узоры и символы. – Многое написано на старом наречии, но я кое-что разберу. Надо еще позвать Вейл, она же переводчик, должна помочь. Только время нужно.

– Значит, завтра на рассвете снимаемся, – заключила Марселла. – Я распоряжусь припасами. У нас есть сутки, чтобы загрузиться по полной.

Команда разошлась по делам. Я остался на палубе с книгой, перелистывая страницы, пока солнце клонилось к закату, окрашивая море в кроваво-красные тона. Горм стоял рядом – безмолвный, как всегда, его тень вытягивалась на досках.

Я смотрел на горизонт и думал о Кейле. Он был моим другом, моим братом по духу, и я не мог простить себе, что не был рядом, когда он упал с той башни. Я не знал, что произошло на самом деле, но я знал, что он верил в Мендакс так же сильно, как я. И теперь я должен был довести его дело до конца.

Ночью я не мог уснуть. Я лежал в своей каюте, слушая, как скрипит корпус и плещется вода за бортом. Сон пришёл внезапно – тягучий, как туман, и в нём я снова стоял на берегу, но не у моря, а в бесконечной серой дымке.

Это было не впервые. За последнее время она являлась мне снова и снова – и каждый раз с другим лицом. Но это всегда была женщина, примерно одного возраста, с одинаковой фигурой и голосом. Менялись только черты лица: то тонкий нос и острый подбородок, то полные губы и широкие скулы, то глаза другого цвета. Но она всегда плакала, всегда говорила на языке, которого я не понимал. И всегда смотрела на меня с одной и той же мольбой.

В этот раз у неё было лицо молодой женщины с тёмными глазами и бледной кожей. Она была почти прозрачной – свет сквозил сквозь её плечи, но глаза горели ярко, как два угля. Она плакала, и её слёзы падали вниз, превращаясь в морскую воду.

Она заговорила. Я слышал её голос, но слова были чужими – гортанными, тягучими, похожими на шум прибоя и плач чаек. Ни одного знакомого звука. Я не понимал ни слова, но чувствовал каждую интонацию: в них была боль, отчаяние, мольба. Она просила о чём-то важном, о чём-то, что не терпело отсрочки.

Она протянула руку и указала куда-то в сторону. Я обернулся – там, в тумане, слабо мерцал силуэт книги. Той самой книги, что лежала сейчас у меня в каюте. Женщина снова заговорила, и в её голосе послышалась надежда, смешанная с тревогой. Она словно говорила: «Ищи. Читай. Не останавливайся».

Я попытался спросить, кто она и почему каждый раз приходит с новым лицом, но мой голос не слушался. А она уже начала таять, растворяться в серой дымке, и последнее, что я запомнил, – её руки, сложенные в жесте просьбы, и беззвучные слёзы, падающие в воду. Но перед тем, как исчезнуть, она вдруг на мгновение задержалась, и я увидел, как её лицо снова изменилось – теперь на нём были черты, которые я не мог узнать, но которые показались мне смутно знакомыми. И тут же она растаяла.

Я проснулся в холодном поту. Сердце колотилось, в ушах всё ещё звучал её голос – непонятный, но пронзительный. В каюте было тихо. Масляная лампа едва горела, и за иллюминатором чернела вода. Я сел на койке, провёл ладонью по лицу и посмотрел на книгу, лежащую на столе.

– Кто ты? – прошептал я. – Почему ты каждую ночь приходишь с новым лицом, но всегда остаёшься женщиной? И что ты хочешь сказать мне?

Я взял фолиант и открыл наугад. В глаза бросилась страница с рисунком утёса и двумя скалами, похожими на близнецов. Внизу было написано несколько строк на том же древнем языке, что и весь фолиант. Я не понял их, но почему-то именно эта страница привлекла моё внимание. Я вчитался в рисунок, в линии волн, в очертания скал, и вдруг почувствовал, что этот берег мне знаком – хотя я никогда не видел его вживую. И тут я вспомнил: в одном из

прошлых снов женщина показывала мне точно такой же утёс. Тогда у неё было другое лицо – с широким лбом и тонкими губами, – но жест был тем же: она указывала на скалы.

Значит, сны были связаны с книгой. Я не знал как, но чувствовал это. И то, что лицо менялось каждый раз, пугало меня, но одновременно давало надежду – будто она пыталась достучаться до меня, используя разные облики.

Я вышел на палубу. Ночь была ясной, звёзды висели низко, почти касаясь мачт. Марселла стояла у борта, курила трубку и смотрела на горизонт.

– Не спится? – спросила она, не оборачиваясь.

– Опять этот сон, – ответил я, подходя ближе. – Та же женщина, но с другим лицом. Снова и снова. Она всегда женщина, всегда одного возраста, но лицо меняется – будто она примеряет чужие черты. Она говорит на языке, которого я не знаю, но я понимаю, что она просит о помощи. И каждый раз она указывает на книгу. Наверное, это просто морок, но после этих снов я чувствую, что мы должны плыть. Туда, где по легендам лежит Мендакс.

Марселла повернулась, выдохнула клуб дыма и посмотрела на меня с любопытством:

– И каждый раз новое лицо, но всегда женщина? Странно. Может, это знак? Кто-то пытается до тебя достучаться. Сны не приходят просто так. Если она показывает тебе книгу – значит, ты должен её читать. Не важно, понимаешь ли ты пока. Главное – искать. А мы будем рядом.

Она хлопнула меня по плечу и ушла в каюту. Я остался один, глядя в тёмную воду. Где-то там, за горизонтом, ждал остров, которого нет. И женщина из снов, которая каждый раз приходила с новым лицом, чтобы просить о помощи на чужом языке. Я не знал, что она говорила, но знал одно: я должен попытаться. Ради принцессы Талии. Ради неё самой, кто бы она ни была.

На рассвете мы подняли якорь. Ветер был попутный, и “Маре Тенебрум” легко заскользила по волнам. Берег таял за кормой, и впереди открывалось только море – бескрайнее, серое, полное неизвестности.

– Курс на восток, – скомандовал я. – Там, где по легендам лежит Мендакс. И куда зовут меня сны.

Олаф уже разложил карты в каюте и принялся изучать фолиант. Марселла стояла у штурвала, уверенно держа руль, и напевала старую пиратскую балладу.

Горм подошёл ко мне и тихо спросил:

– Ты уверен?

Я взглянул на книгу, на свои руки, которые чуть дрожали, и ответил:

– Нет. Но я знаю, что, если мы не поплывём, я никогда себе этого не прощу. Принцесса Талия заслуживает хотя бы попытки. И та женщина из снов... она ждёт. Я чувствую это. И каждое её новое лицо – это как напоминание: время уходит, и она не может ждать вечно.

– Тогда плывём, – сказал Горм, и в его голосе не было ни капли сомнения.

Мы уходили в неизведанное. Книга лежала у меня на груди, и казалось, что она теплеет, словно живая. Впереди был ту ман, и за ним – остров, которого нет. Но мы уже были в пути.

Глава 7. Томящаяся на берегу

НЕИЗВЕСТНАЯ

Я стояла у высокого стрельчатого окна, вжавшись лбом в холодное стекло. В нем я видела свое новое отражение. Сегодня мои волосы пылали огненно-рыжим, как пламя костра в ночи, и в них, как искры, мерцали золотые пряди. Они были густыми, непослушными, падали на плечи тяжёлой волной, и казалось, что они сами излучают тепло. Моя кожа была молочно-белой, с едва заметным румянцем на скулах, и на ней не было ни единого изъяна. Но глаза — они были теми же, что и всегда: ярко-синие, почти фиолетовые, с тем самым холодным, пронзительным блеском, который делал меня не просто красивой, а пугающе прекрасной, что и раздражало. Губы были полными, ярко-алыми, и на них играла та горькая, насмешливая улыбка, которую я носила как оружие.

За окном простиралось море — серое, бескрайнее, равнодушное. Вода перекачивалась внизу, у подножия дворцовых скал, и её шум почти не проникал сквозь толстые стёкла, но я слышала его по-другому — внутри, в груди, где плескалась такая же солёная тоска. Моя душа, как и это море, была холодна и горька от соли.

Я стояла так уже не знаю сколько времени. Солнце поднималось и опускалось за горизонтом, сменяя день ночью, а я всё смотрела в одну точку — туда, где вода сливалась с небом, где, как мне казалось, начиналась свобода. Я не помнила, когда в последний раз чувствовала тепло. Не помнила, когда в последний раз улыбалась по-настоящему. Моя жизнь превратилась в череду серых дней, которые ничем не отличались друг от друга, и только сны давали мне надежду.

За моей спиной тяжело дышали дубовые двери, запёртые на три засова. В коридоре гремели шаги стражи, а где-то в дальних покоях мой жених, которого я никогда не любила, уже снова пил вино, споря с советниками о том, как же ему удержать своенравную невесту. Он не понимал, что удержать меня нельзя — я давно ушла в те сны, где море было чёрным, а туман — живым.

Здесь, в этой клетке из золота и мрамора, я задыхалась. Каждое утро я просыпалась и подходила к этому же окну, чтобы взглянуть в горизонт — туда, где вода сливалась с небом. Я не знала, кого ищу. Я не знала даже своего лица — во сне оно всегда было чужим, потому что своего у меня никогда и не было. Но каждую ночь, стоило мне закрыть глаза, меня уносило в туман, и я снова видела его — мужчину на корабле. Он перелистывал старую книгу, ветер трепал его волосы, а я пыталась заговорить с ним на языке, которого он не понимал. Это была моя единственная надежда, и я цеплялась за неё, как утопающий за соломинку.

Я не знала, кто он. Я не знала, зачем он мне снится. Но каждое утро, просыпаясь, я чувствовала — он где-то там. Он существует. И он движется ко мне.

Сегодня это чувство было сильнее обычного. Что-то изменилось в воздухе, в самом дыхании океана. Я прижалась ладонью к стеклу, и стекло ответило мне холодом, но внутри меня разливалось странное тепло. Необъяснимое. Почти болезненное.

Я не была запёрта в этих стенах. О нет, мне позволяли гулять — по саду, по берегу, по каменистым тропам, что вились вдоль утёсов. Мой жених был слишком уверен в себе, чтобы держать меня в клетке. Он знал: я никуда не денусь. С этого острова нет пути. Все корабли, что причаливали к его берегам, принадлежали ему. Каждая лодка, каждая шляпка — под его присмотром. Я могла ходить по берегу сколько угодно, смотреть на воду, дышать солёным ветром — но шагнуть в море я не могла. Никто не перевёз бы меня на материк. Никто не посмел бы послушаться моего жениха.

И я каждое утро выходила к воде. Я стояла на краю утёса, где волны разбивались о камни, и смотрела вдаль. Ветер рвал мои волосы, бросал в лицо солёные брызги, и я закрывала глаза, пытаюсь представить, что я уже там – на свободе, где нет стен и запретов. Но вода была холодной, а берег – далёким. И я всегда возвращалась обратно в замок, чтобы снова прильнуть к стеклу и ждать.

Иногда я слышала, как внизу кричат чайки, но, когда я выходила на берег, они замолкали и улетали в сторону горизонта. Я провожала их взглядом и думала: «Вот бы мне тоже улететь». Но у меня не было крыльев, только шёпот ветра и сны, в которых я была кем-то другим, с другим лицом, в другом мире.

И в этот раз, глядя на океан, я поняла – он приближается. Я не знала, зачем. Не знала, что он ищет. Может быть, он даже не знает о моём существовании. Но моё сердце колотилось быстрее, когда я представляла его корабль, рассекающий волны где-то там, за туманом. Я не могла объяснить этого. Я просто чувствовала – так же, как чувствовала приближение бури или смену ветра. И это чувство было единственным, что удерживало меня от того, чтобы в очередной раз выбежать на берег и кричать в пустоту, пока голос не сорвётся.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула. Где-то в груди, глубоко-глубоко, зажглась искра – слабая, почти невесомая, но она была. Я снова открыла глаза и посмотрела на горизонт. Я не знала, кто он. Я не знала, что он ищет. Но я знала, что он плывёт. Ко мне. Эта уверенность была моим якорем.

Шаги за спиной прервали мои мысли. Шаги – слишком уверенные, слишком тяжёлые для человека, который не считает себя царём мира. Я медленно обернулась, и на моих губах застыла та горькая усмешка, которую он так ненавидел. Он стоял в дверях, и сегодня его лицо было новым – словно он каждое утро заказывал себе очередную маску у лучшего лицедея Мендакса. Молодое, гладкое, с точеными скулами и идеальной линией бровей. Такое лицо могло бы принадлежать герою древних баллад – если бы не глаза.

Волосы – чёрные, как вороново крыло, – были уложены с вызывающей тщательностью, будто он только что вышел из рук цирюльника. Кожа – безупречная, ни поры, ни тени усталости. Губы – слишком красные, слишком чувственные для того, кто умел только брать и приказывать. Он был похож на восковую фигуру, на куклу, которую кто-то выточил по образцу, но забыл вложить внутрь душу.

Я рассматривала его с наслаждением палача, который выбирает место для удара. Я замечала всё: как он держит голову, чуть вздёрнув подбородок, – жест высокомерия, который должен был внушать трепет, но вызывал только желание плюнуть; как его пальцы сжимают край плаща – нервно, хотя он старался казаться спокойным; как его взгляд – тот самый зелёный, холодный, с металлическим блеском – скользит по ней с привычной жадностью. Он смотрел на неё, как смотрят на драгоценность, которую уже положили в шкатулку, – с предвкушением, с уверенностью, что она никуда не денется.

«Ты выглядишь, как принц из дешёвой сказки, – подумала она, не отводя глаз. – Но я знаю, кто ты на самом деле. Ты – не принц. Ты – змея в человеческой шкуре, которая каждое утро меняет кожу, но не может сбросить свою суть. И эта красота – всего лишь приманка для глупцов. А я не глупа».

Я позволила себе улыбнуться – той улыбкой, которую он ненавидел: холодной, дерзкой, с вызовом. Я видела, как его глаз дёрнулся – он не терпел, когда я смотрела на него так, будто он был всего лишь насекомым. Но я не могла иначе. Да и не хотела иначе.

– Опять смотришь на воду, – сказал он. Голос моего жениха был ровным, но в нём чувствовалась сталь. Он подошёл ближе и встал рядом, тоже глядя на море. – Ты можешь смотреть на неё сколько угодно. Хоть каждый день выходи на берег. Но ты знаешь, что уйти не сможешь.

Я молчала. Мои пальцы всё ещё лежали на стекле. Я не удостоила его даже взгляда.

– Я не держу тебя в клетке, – продолжил он. – Ты свободна. Ты можешь гулять, дышать морским воздухом, смотреть на чайки. Но ты никогда не покинешь этот остров. Он – твой мир. Или ты смиришься с этим, или проведёшь остаток жизни у окна. Его голос звучал как приговор, но я давно перестала бояться его слов.

«Смириться? Да никогда в жизни! Я скорее украду меч у одного из этих стражников и прикончу тебя пока ты не видишь, если пойму, что другого выбора нет» – это он должен был прочитать в моих глазах, но он ничего не видит, если это против его идей.

Он подождал ждать моего ответа, но я не сказала ни слова. Тогда он развернулся и ушёл, оставив меня одну.

Я снова прижалась лбом к стеклу. За ним плескалось море – такое близкое, такое солёное, такое свободное. И где-то там, за линией горизонта, шёл корабль.

– Ты плывёшь, – прошептала я. – Я чувствую. Я выйду на берег. Я буду ждать тебя у воды. И когда ты придёшь, я шагну в море. Неважно, кто ты. Неважно, зачем. Ты – мой единственный шанс. Мои слова были клятвой, которую я давала себе и ему.

Я улыбнулась своему отражению в стекле. Оно было чужим, но в этот раз мне показалось, что оно улыбнулось в ответ. Где-то в груди зажглась та искра, которую я прятала от всех – даже от себя. И я знала: я выйду на берег. Я буду ждать. Я буду смотреть на горизонт до тех пор, пока не увижу парус.

Я отошла от окна и подошла к небольшому столику, на котором лежала книга. Это была та самая книга, которую я видела во снах и скопировала ее – старая, с потёртыми страницами, с рисунками утёсов и лиц. Книга с легендами о таких как я, написанная людьми. Я открыла её на странице, где был нарисован тот самый утёс, я вижу с берега. Провела пальцем по контуру скал, по линиям волн. И мне показалось, что я чувствую тепло, исходящее от бумаги.

– Ты близко, – прошептала я. – Я чувствую это. Ты идёшь через все моря, через все туманы. Ты идёшь ко мне. И я буду ждать. Я всегда ждала.

В комнате было тихо. Только ветер за окном пел свою вечную песню. Я закрыла книгу и положила её на грудь, чувствуя, как её тепло разливается по телу. И я знала – скоро всё изменится. Скоро он придет. И я буду готова.

Глава 8. Счет лиц

ОРИАН

Мы находимся в пути уже пару дней. За это время я не открыл фолиант ни разу. Чем же я тогда занимался все это время? Я решил нарисовать лица женщин, что снились мне, может и не мастер в этом, но получилось довольно-таки неплохо. Благодаря этому, можно заметить, что у каждой нарисованной мною женщины одна мимика, так что точно можно сказать, что это одна и та же женщина, только с разными лицами. И тут мне в голову пришло название книги «Исчезающие лица». Вдруг это тоже подсказка к тому, что я ищу.

Я сидел в своей каюте, разложив на столе рисунки. Шесть женских лиц смотрели на меня с бумаги, и я видел в каждом из них что-то общее – не только мимику, но и ту же боль, ту же надежду, ту же мольбу. Я провёл пальцем по контуру одного из них, и мне показалось, что я слышу её голос – тихий, далёкий, но такой ясный.

– Кто ты? – спросил я у пустоты. – И почему ты выбираешь именно меня?

Ответа не было. Только шум волн за бортом и скрип дерева. Я вздохнул и откинулся на спинку стула. Мои мысли вернулись к книге. Я достал её из тумбы и открыл оглавление. «О жителях, именуемых Ментирозо, и их лицемерной природе» – прочитал про себя я и открыл эту главу.

«Те, кто живёт на этом проклятом острове, называют себя Ментирозо – «лицедеи». Они не люди, хотя и похожи на людей внешне. Однако их внешность обманчива, ибо каждое утро они просыпаются с новым лицом. Некоторые говорят, что они крадут лица у спящих людей, и потому ни один моряк не должен спать вблизи туманных вод.

Другие уверяют, что они вообще не имеют собственного облика и лишь отражают чужие желания и страхи, как вода отражает луну. Они не помнят своих вчерашних лиц и не знают, кем были накануне. И это – их наказание за то, что они когда-то продали свои души морскому дьяволу.

Говорят, что среди них есть те, кто помнит – так называемые Помнящие, но они не хранят добрые воспоминания, а копят обиды и злобу, чтобы в нужный час обрушить их на беззащитных смертных. Помнящие – самые опасные. Они хранят все лица, которые когда-либо были на острове, включая лица убитых чужаков. Они используют эту память, чтобы обманывать даже самых опытных мореплавателей, принимая облик их погибших друзей или родных.

Существует поверье, что среди Помнящих есть тайный орден хранителей карт. Они якобы наносят на свои лица цифры и знаки, чтобы запомнить единственный верный путь к острову. Говорят, что на груди каждого хранителя вытатуирован ряд чисел: 41, 44, 45, 43, 41, 13 – но что они означают, никто не знает. Некоторые считают, что это молитва, другие – проклятие. Я же полагаю, что это просто бессмысленный узор, которым они пугают чужаков».

Когда я дочитал главу, услышал стук в дверь каюты, что отвлекло меня от чего-то важного.

– Войдите! – в каюту зашла Альтаир, она будто почувствовала, что я открыл книгу и начал ее читать, а иначе как объяснить ее приход вовремя моего погружения в написанное.

– Я хотела спросить, когда мы будем разбираться с фолиантом, и вижу, пришла как раз вовремя. Сколько глав успел прочитать без меня?

– А ты разве не брала ее для перевода? – удивился я.

– Но я же не вчитывалась. Да и большинство строк перевела Вейл. – возмутилась она.

– Можно сказать, я только открыл, прочитал только вторую главу. – пытаюсь успокоить ее сказал я и мой взгляд пал на последние строки главы. – И кажется, нашел что-то важное. Присядь, посмотри.

Альтаир села рядом со мной и прочитала главу. По ее взгляду я понял, ее посетила та же мысль что и меня. Зачем указывать конкретные цифры татуировок? Только если в этом скрыт какой-то смысл.

– Чувство, что эти цифры должны быть каким-то шифром. Надо будет подумать над эти с Иглой – задумчиво произнесла Альтаир. – Позволь я возьму книгу себе, когда найду шифр с более подходящим шифром я приду к тебе.

– Конечно, бери. Все равно я в этом не разбираюсь. – После этих слов Альтаир ушла. А я посмотрел на рисунки женщин и вспомнил фразу из книги: «их внешность обманчива, ибо каждое утро они просыпаются с новым лицом».

– Неужели ты – Ментирозо? Но почему ты зываешь именно ко мне? – задал я вопрос пустоте, ожидая ответа, которого конечно же не последовало.

Я снова посмотрел на цифры, выписанные на отдельном листе: 41, 44, 45, 43, 41, 13. Они не давали мне покоя. Шесть чисел. Шесть – как количество дней, что мы уже в пути. Или как количество лиц, которые я успел нарисовать за первую ночь? Нет, это слишком просто. Альтаир права – это шифр. Но что он скрывает?

Я закрыл глаза и попытался представить, как женщина из снов чертит эти цифры в воздухе. Её пальцы двигались плавно, почти танцевали. И вдруг я вспомнил: в одном из снов, когда я рисовал её портрет, она показывала мне не цифры, а линии. Она водила рукой по воздуху, как будто рисовала что-то невидимое. Тогда я не придал этому значения, но теперь, глядя на шесть портретов, я понял – она рисовала карту.

Я встал с койки, зажёл свечу и подошёл к столу. Разложил портреты в том порядке, в котором они мне снились. Первый, второй, третий... шесть лиц, шесть масок. И если соединить их взгляды – те самые, устремлённые в сторону, – они указывали в разные стороны. Но если сложить их все вместе...

Я взял лист бумаги и начал набрасывать линии, соединяя глаза портретов. Каждый взгляд был направлен под своим углом. И когда я соединил все двадцать точек, у меня получилась сетка. Сетка из линий, которые пересекались в одной точке – в центре стола, прямо там, где лежала книга.

Я отодвинул портреты и положил на их место чистый лист. Снова посмотрел на числа: 41, 44, 45, 43, 41, 13. Что если это не числа, а углы? 41 градус, 44 градуса, 45 градусов... Каждое число – это угол наклона линий, которые нужно провести на карте. И если сложить эти углы в определённом порядке, они укажут на единственную точку, где сходятся все шесть взглядов.

Я взял циркуль и транспортир, которые нашёл в ящике стола, и начал чертить. Первая линия – под углом 41 градус к северу. Вторая – 44 градуса к востоку. Третья – 45 градусов... Я провёл все шесть линий, и они пересеклись в одной точке. Там, где я нарисовал маленький крест, сердце забилось быстрее.

«Это не координаты, – понял я. – Это углы. Ментирозо не ищет остров по карте – они ищут его по направлению взглядов. Каждое лицо, которое они носят, запоминает свой угол. И только когда все лица собираются вместе, они указывают на Мендакс».

Я посмотрел на портреты, разбросанные по столу. Шесть женщин, шесть лиц, шесть масок. И каждая из них смотрела в свою сторону. Но все они, если сложить их правильно, указывали на одно место.

«Она не просто зовёт меня, – прошептал я. – Она даёт мне карту. Карту, составленную из её собственных лиц».

Я снова перечитал строку из книги: «Существует поверье, что среди Помнящих есть тайный орден хранителей карт. Они наносят на свои лица цифры и знаки, чтобы запомнить единственный верный путь к острову».

Теперь я знал, что означают эти цифры. Это не шифр, не код, не координаты. Это указатели. Углы, под которыми нужно смотреть на мир, чтобы увидеть то, что скрыто от обычных глаз. Ментирозо не запоминают путь – они запоминают, как смотреть. И каждый угол на их лицах – это ключ к новой перспективе.

Я перевёл взгляд на двадцатый портрет – тот, где она смотрела прямо на меня. В её глазах я увидел не только печаль, но и надежду. Она знала, что я пойму. Она ждала, что я сложу все кусочки вместе.

«Ты не просто женщина из снов, – подумал я. – Ты – карта. Ты – путь. Ты – сам Мендакс».

Я провёл пальцем по двадцатому портрету, и в этот момент свеча дрогнула. Тень на стене колыхнулась, и мне показалось, что за моей спиной кто-то стоит. Я обернулся – пустота. Но в воздухе пахло солью и туманом, хотя иллюминатор был закрыт.

Я взял лист с начерченными углами и положил его поверх портретов. Двадцать взглядов указывали на одну точку – туда, где я поставил крест. Туда, где лежала книга.

«Значит, остров не на карте, – понял я. – Он не имеет координат. Он находится там, куда смотрят все эти лица. Он – в точке пересечения всех взглядов».

Я почувствовал, как внутри разливается странное спокойствие. Я не знал, куда мы идём, но теперь я знал, как туда попасть. Нужно было просто смотреть. Смотреть так, как смотрела она – сквозь туман, сквозь маски, сквозь собственную иллюзию.

Я лёг на койку, глядя в потолок, и в голове крутилась одна мысль: «Она дала мне карту. Карту из лиц. Карту из снов. И если я правильно её прочитал, мы уже на правильном пути».

Завтра я покажу свои расчёты Альтаир и Игле. И мы проверим, верна ли моя догадка. Но сейчас, глядя на двадцать портретов, я чувствовал – она рядом. Она в каждой линии, в каждом взгляде, в каждом штрихе, который я нанёс на бумагу.

«Я иду, – прошептал я в темноту. – Я иду за тобой».

И мне показалось, что ветер за окном чуть изменил тон, словно кто-то выдохнул с облегчением.

Глава 9. Мертвое море

ОРИАН

Вспомнив о своих обязанностях капитана, я наконец вышел на палубу. И первое что я услышал, пение моей команды:

*«Ветер рвёт паруса, соль на губах,
Снова мы в море, земля в облаках.
Кто-то на берегу ждёт у огня,
Кто-то забыл уже наши имена.
Плещут волны, кричат чайки вдали,
Мы – дети шторма, мы – тени земли.
Эй, держи штурвал крепче, брат!
Пусть горизонт зовёт назад.
Мы оставим след на песке,
Но сердце навеки в воде.
Бочки с водой и сухари в трюме,
Смех и молитва на утренней шхуне.
Кто-то проиграл свой последний дублон,
Кто-то нашёл на дне сон.
Мы – те, кто не знает, где причал,
Мы – те, кого ветер вдаль умчал.
Эй, держи штурвал крепче, брат!
Пусть горизонт зовёт назад.
Мы оставим след на песке,
Но сердце навеки в воде.
Звёзды над нами – как старые карты,
Каждая ночь – это новый фарватер.
Кто-то считает дни до земли,
Мы же считаем, сколько до звезды.
Ром и гитара, дым и туман,
Это наш дом, наш вечный капкан.
Эй, держи штурвал крепче, брат!
Пусть горизонт зовёт назад.
Мы оставим след на песке,
Но сердце навеки в воде.
А ветер всё воет, и пена кипит,
Кто-то смеётся, кто-то грустит.
Но у нас есть море – до самого дна,
И свобода, как ром, крепка и хмельна».*

Всегда считал, что песня пиратов – лучшее, что я когда-либо слышал в своей жизни. Если так подумать, то до того, как стать пиратом я слушал только классику, правда примерно на середине я всегда засыпал. Ух, и доставалось мне от старшего брата, когда он заставлял меня в таком виде. Ну вот, зачем только вспомнил, те дни уже в далеком прошлом. Я потерял всех, кого любил, поэтому хочу спасти сестру друга, которого тоже потерял, так и не успев показать ему чего достиг. Грусть и решимость сплелись в моей душе.

Я стоял на носу корабля, вдыхая солёный воздух, и чувствовал, как ветер играет с моими волосами. Море было спокойным, почти мирным, но я знал – это затишье перед бурей. Внутри меня зрело предчувствие, которое я не мог объяснить, но которое никогда не обманывало. Где-то там, впереди, нас ждало испытание. Я не знал, какое, но я был готов.

– Кэп! Ты наконец вышел. – услышал я голос молодого юнги Нокса.

– Да-а, – задумчиво начала Мелисса, – мы уже думали жив ли ты еще. Хорошо хоть Альтаир вчера заходила к тебе, сказала нам, что ты жив и мы можем не переживать. Только теперь я волнуюсь как бы она теперь не заперлась в своей каюте.

– Не волнуйся, я уже нашел разгадку на наши с ней вопросы. Нокс, сходи позови Альтаир и Иглу, скажи что у меня есть ответ. – Приказал я, проверяя рукой, что рисунки лежат у меня в кармане.

Юнга быстро побежал, следуя моим словам. Как только он скрылся, я почувствовал что-то неладное, а когда возникает такое чувство это значит, что надвигается большая беда.

– Коршун! Сейчас же проверь окрестности!

– Что случилось? – с недоумением посмотрела на меня Марсела.

– Плохое предчувствие, а ты знаешь, когда оно появляется ничем хорошим это не заканчивается.

– Вот черт! – вдруг вскрикнула Марсела. – Дырявая моя башка! Все же старость дает о себе знать! Мы в водах Мертвого моря!

– Мертвое море? Что это? Впервые слышу. – сказал я. А не было ни одного моря, о котором бы я не знал, ведь я научился читать книги с самого детства.

– Конечно же ты не знаешь! Ведь это море не отметили на карте. Его считают частью Серебряного моря. Как ты знаешь воды в нем светло-серые, волны невысокие, ветер не сильный. Но оно таит в себе опасность, которую трудно заметить если не знаешь о ней. Мертвое море – темное, как чернила и ветра здесь совсем нет будто западня, из которой не выбраться обычным кораблям. Скорее всего мы сбились с курса, поэтому и попали сюда. Но страшно не это – страшно то, что неизвестно, как долго мы здесь находимся, ведь максимальное время пять часов. Если здесь остаться дольше, корабль начнет гореть черным пламенем и сгорит дотла.

– Штиль мне в глотку! А кого поставили за штурвал?

– Я попросила Эльзу присмотреть, но учитывая, что Эльза сидит тут... – услышав мой вопрос ответила Альтаир.

– Я устала и поэтому попросила Ворона присмотреть. – с виноватым видом, услышав свое имя, сказала Коготь.

– Нам конец, братва! Как ты вообще могла доверить штурвал этому психу? Он же любитель крушить все вокруг, даже свою жизнь готов будет за это отдать.

Я перевёл дыхание и выпрямился. Корабль стоял неподвижно, вросший в маслянистую воду, а над головой нависал серый, неподвижный туман. Паруса обвисли, как тряпки, воздух пах железом и гнилью. Команда замерла, глядя на меня – в их глазах был страх, но я не мог позволить себе его разделить.

– Все! Слушайте мой приказ! – закричал я, перекрывая гулкую тишину. – Поднять паруса! Опустить моторы!

Марселла тут же бросилась к механизмам, но на полпути замерла – у штурвала стоял Ворон. Он держался за руль, но не пытался править. Он просто стоял и ухмылялся, положив ногу на нактоуз, и в его глазах горел тот самый безумный огонь, который я видел, когда он крушил бочки с ромом или ломал вёсла в припадке ярости.

– Ворон! – крикнул я. – Отойди от штурвала!

Он обернулся ко мне, его улыбка стала шире.

– Капитан, я же просто помогаю, – сказал он, и пальцы его сжали руль с такой силой, что побелели. – Кораблю нужна рука. Твёрдая рука.

– Ты убьёшь нас, если тронешь руль! – рявкнул я, делая шаг вперёд. – Отойди, это приказ!

– А кто сказал, что я тебя слушаю? – хмыкнул он, и в этот момент он дёрнул штурвал влево. Корабль жалобно скрипнул, но не сдвинулся – Мёртвое море держало его мёртвой хваткой. Ворон выругался и дёрнул сильнее.

– Мачту тебе в задницу, – прошипел он и снова дёрнул, уже с такой силой, что руль треснул.

– Останови его! – крикнула Марселла. – Он ломает всё!

Я рванул вперёд, пробиваясь сквозь растерянную команду. Горм уже подбегал с другой стороны, но Ворон был быстрее – он схватил с палубы лом и размахнулся.

– Не подходи! – заорал он. – Я сам выведу корабль! Не нужны мне ваши моторы, я починил моторы на трёх кораблях, справлюсь и с этим!

– Ты сломал их, а не починил! – крикнул я, уворачиваясь от удара ломом. Металл просвистел в дюйме от моего уха и вонзился в палубу. Я воспользовался моментом и прыгнул, сбивая его с ног. Мы покатались по доскам, и я, схватив его за ворот, прижал к палубе.

– Отдай штурвал! – прорычал я, глядя ему в глаза. – Или я выкину тебя за борт — и тогда ты узнаешь, как плавают в этом море.

Ворон замер. В его глазах мелькнуло удивление, потом ярость, а потом – странное спокойствие. Он рассмеялся, коротко и хрипло.

– Ладно, капитан, – сказал он, откидывая голову назад. – Забирай свою игрушку. Но я предупреждал — ничего не выйдет.

Я поднялся, оттолкнул его в сторону, схватил штурвал и вцепился в него мёртвой хваткой. Дерево было холодным, влажным, оно трещало под пальцами, но я чувствовал – корабль жив. Ему нужна только команда.

– Марселла! Моторы! – крикнул я, поворачивая руль на пару градусов, чтобы почувствовать, как судно откликается.

Она уже была у механизмов. Раздался лязг, потом шипение пара, и из-под кормы повалил густой белый дым. Моторы ожили, их гул разорвал тишину, и корабль вздрогнул. Вода вокруг начала бурлить, поднимаясь тёмными волнами, и я почувствовал, как судно медленно, сантиметр за сантиметром, начинает отрываться от вязкой поверхности.

– Поднять паруса! – скомандовал я. – Ветер не поможет, но паруса дадут нам ещё немного тяги!

Нокс и двое матросов бросились к канатам. Паруса поползли вверх, наполнились слабым, едва уловимым движением воздуха, который шевелился только от нагретых моторов. Корабль медленно, но, верно, пошёл вперёд.

Ворон, лежа на палубе, злобно сплюнул.

– Всё равно не выберемся, – прохрипел он. – Это море держит нас. Оно не отпустит.

– Заткнись и помоги, – бросил я, даже не глядя на него. – Или останешься здесь навсегда.

Через десять минут изнурительной борьбы с густой водой, когда моторы ревели на пределе, а паруса хлопали, как тряпки, “Маре Тенебрум” вырвалась на чистую воду. Ветер ударил в лицо, солёный, живой, и я выдохнул, чувствуя, как напряжение покидает тело. Серебряное море снова было вокруг – светлое, подвижное, настоящее.

Я повернулся к команде. Все смотрели на меня – уставшие, грязные, но живые. Марселла кивнула, Нокс улыбнулся, Горм молча пожал моё плечо.

Я посмотрел на удаляющееся тёмное пятно Мёртвого моря и перевёл дух.

– Держим курс, – сказал я, снова берясь за штурвал. – У нас ещё много работы.

Ворон поднялся, отряхнул куртку и, не сказав ни слова, попытался уйти в трюм.

– Горм, свяжи его и запри на двое суток без еды и воды. – сказал я указывая на психопата, который чуть нас всех не погубил. Я знал, что нельзя оставлять это без последствий. На корабле, где каждый шаг решает жизнь и смерть, неповиновение не может остаться безнаказанным. – Пусть подумает, надеюсь одумается. А вы все запомните, никогда не позволяйте ворону приближаться к штурвалу, если жить охота.

– Есть место, – кивнул Горм. – Запасной отсек, где хранят сухари. Там есть старая решётка – я её поставлю поперёк прохода. Он не выйдет, даже если захочет.

– Хорошо, – сказал я. – Но, если начнёт ломать доски – привяжи. И в следующий раз я сам его привяжу к мачте, чтобы вся команда видела.

Горм молча кивнул и ушёл вниз. Я слышал, как он спускается по трапу, как ворчит что-то Ворону, как звякает железная решётка, устанавливаемая на место. Через несколько минут Горм вернулся, вытер руки о штаны и встал рядом со мной.

– Всё сделано, – коротко сказал он. – Сидит. Орет, но не ломает.

Я кивнул, но в голове уже крутилась другая мысль: “Тюрьма на корабле... Это же не просто камера. Это место, где сидят те, кого море не приняло. Может быть, там тоже есть свои тайны?”

Я спросил у Горма:

– Что там за отсек, где Ворон сидит?

– Трюмное отделение, – пожал плечами Горм. – Раньше там держали пленных, когда на “Маре Тенебруб” ещё не было мотора. Какие-то старые кольца на стенах остались. И пара рисунков на досках.

Я заинтересовался.

– Рисунков?

– Ну да, – Горм махнул рукой, отворачиваясь к морю, и голос его вдруг стал глуше, словно он вспоминал что-то не очень приятное. – Старые матросы говорили, что это не просто камера. Что её сделали ещё до того, как моторы стали ставить на суда. Говорят, в ней сидел какой-то безумный картограф, который нарисовал на стенах карты – странные, с островами, которых нет.

Я перевёл взгляд на люк, ведущий в трюм.

– Карты? Ты уверен?

– Я сам видел, – сказал Горм. – Когда мы брали этот корабль, я спускался туда. На досках что-то нацарапано гвоздём или ножом. Не разобрать – темно, сыро. Но там точно что-то есть. Я подумал, что это просто бред пьяного пленника.

Я не ответил. Внутри зашевелилось смутное предчувствие – то самое, которое всегда возникало, когда я был близок к чему-то важному.

– Через час я спущусь к нему, – сказал я. – Посмотрю сам. Если он там нарисует что-то новое – я должен знать.

Горм не стал возражать. Он только хмыкнул и отошёл к борту, оставив меня наедине с ветром, морем и мыслью о том, что тайны могут прятаться даже в самом тёмном углу моего собственного корабля.

Я снова взялся за штурвал и перевёл дыхание. Мёртвое море осталось позади, но внутри меня – не покидало ощущение, что ответы не за горами. И что начинаться они могут именно там, где мы меньше всего ждём: в трюме, где сидит пьяный буян, и стены исписаны старыми картами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.